

АЛЕКСАНДР БАСОВ

---

# Камень богов

ИЗ ЦИКЛА «ПОТУСКНЕВШАЯ  
ЖЕМЧУЖИНА»



Александр Басов

**Камень богов**

«Издательские решения»

## **Басов А.**

Камень богов / А. Басов — «Издательские решения»,

Я не следую за литературной модой, и в этой книге читатели не встретятся с попаданцами, засланцами, протуберанцами, резиновыми сланцами... На страницах не громоздятся горы трупов, политых реками крови. Несчастливая Вселенная не будет гибнуть в муках через каждые пять-шесть абзацев текста. Но если Вам нравятся неторопливо рассказанные истории с неожиданными поворотами сюжета, если Вы любите наблюдать за развитием характера героев, если Вам хочется видеть детально описанный мир, то эта книга для Вас.

© Басов А.

© Издательские решения

# Содержание

1	6
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Камень богов**  
**из цикла «Потускневшая жемчужина»**  
**Александр Басов**

© Александр Басов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## 1

Милена проснулась ещё до восхода солнца. Некоторое время лежала неподвижно, пытаясь понять, что же заставило её открыть глаза так рано. Из неплотно зашторенного окна ощутимо тянуло холодом, как и всегда в предутренние часы. В дальнем углу заворочалась на своём тощем тюфячке служанка, тихонько, с подвыванием застонала во сне. Тут же проснулась, и стала испуганно вглядываться в полумрак, опасаясь, что разбудила хозяйку.

Девку можно было бы и ругнуть, для порядка, но начинать день с наказания слуг не хотелось, а слушать извинения с оправданиями и подавно. Милена шумно протяжно вздохнула, несколько раз перевернулась с боку на бок и затихла. Служанка, с пару минут, таращила глаза в сторону кровати госпожи, затем успокоилась и засопела громко и размеренно.

Решив, что больше заснуть не удастся, она выскользнула из-под одеяла, стараясь не шуметь, подошла к окну, и выглянула наружу. Из сплошной пелены тумана, кое-где проглядывали очертания построек, со всех сторон стиснувших центральную площадь. Собор был замечен вполне отчётливо, его треугольный фронтон с распростёртыми крыльями ни с чем другим нельзя было спутать. Туман поглотил весь первый этаж гостиницы, и высокие стрельчатые окна, казалось, висели прямо в воздухе. А уж казармы на дальнем краю площади и вовсе углядеть мог лишь тот, кто хорошо знал здешние места. Набирающий силу ветер только-только начал разбираться с туманом, осторожно перекатывая волны этой огромной лохматой шкуры, укутавшей озябший городок.

Рассвет приближался. Солнце, ещё не показавшись, уже позолотило вершины пиков горного хребта, именуемого Объятиями Ангела. Сияние над острыми зубьями скал разгоралось всё ярче с каждым мгновением. Вот первые лучи восходящего светила неумолимо вонзились в почти целое туманное покрывало, с которым пока не смог справиться ветер. Туман жадно впитал солнечный свет, заискрился, вспыхнул яркими красками и стал таять. В прорехи уже переставшей быть плотной туманной завесы, напоминавшей, скорее, кружевную занавеску, стало видно мостовую, а затем и дальний край площади.

Утренняя смена караула показалась из дверей казарм и неторопливо двинулась к дворцу. Маршировать никто из них и не пытался. Вояки зевали, ёжились от холода, но, нет-нет, да и поглядывали на закрытые окна баронской опочивальни – не ровен час вздумает их милость подняться ни свет ни заря и устроить строевой смотр.

Когда караул проходил под окном Милены, девушка услышала, как один из часовых, обернувшись к идущему следом за ним, сказал:

– День, похоже, будет сегодня ясным. Не повезло нам со сменой. Отдохнуть, точно, не дадут.

– Это почему же? – Негодующе воскликнул замыкающий колонну солдат.

– Сатанинское отродье солнышка не любит и в такие дни сидит тихо. А нас на плацу гонять будут.

– Эй, охвостье! – Зашипел разводящий. – Пасть заткни. Смирн-а!

Стражники вздрогнули, и, смешно вскидывая ноги, перешли на строевой шаг. Подкованные сапоги дружно впечатались в мостовую. Эхо шагов метнулось вслед за уходящим караулом, но быстро растворилось в пронзительной тишине наступившего утра.

Милена продрогла. Задёрнув тяжёлую штору, она вернулась к кровати и с удовольствием укрылась тёплым одеялом. Тишина стала постепенно наполняться звуками: по коридору лёгкими шагами пробежал кто-то из слуг, из поварской послышался звон посуды, тяжело громынула катящаяся по мостовой бочка. Под одеялом было тепло, и вставать совсем не хотелось. Монотонное сопение служанки, казалось, уплотняло воздух в комнате, делало его густым и вязким, как кисель.

Мама присела на край кровати, поправила одеяло, сказала что-то неразборчивое тихим голосом.

«Странно, – подумала Милена, – и когда успела войти?»

Она попыталась сесть, но тело не слушалось. Мама покачала головой, улыбнулась, встала и направилась к двери.

– Мама, стой, не оставляй меня! – Закричала девушка. – Я с тобой! – Она заплакала от бессилия, не понимая, что её так держит и не даёт вскочить, догнать...

– Госпожа...

Прохладная рука, едва коснувшаяся лба девушки, придала, наконец, ей силы – Милена вскочила с кровати, едва не сбив с ног перепуганную служанку.

– Это был сон, госпожа, успокойтесь.

– Сон... да... конечно... – она откинула с разгорячённого лба влажную прядь волос, неловко присела на край кровати, но, в следующий миг, вскочила снова – только что на этом месте сидела мама... Как живая.

Колокол на соборе Всех Верных прозвонил малую побудку. Три коротких удара оповестили население небольшого пограничного городка Кифернвальд, что новый трудовой день наступил.

– Ещё очень рано, госпожа, прилягте. А я сейчас пошлю за лекарем.

– Бригита, или, как тебя там...

– Сабина, с вашего позволения.

– Сабина... Не нужно звать лекаря. Принеси, лучше, что-нибудь попить.

Служанка метнулась к двери и, вскоре, возвратилась с кувшином. С каждым глотком холодный мятный напиток возвращал ясность мысли, исчезала нервная дрожь, и сердце уже не рвалось наружу из груди.

– Нужно обязательно... – Милена попыталась вспомнить поручение, которое собиралась дать прислуге, но идея, внезапно возникшая в голове, показалась более удачной. – Скажи мне... Сабина, а кто из слуг умеет толковать сны?

– Аделинда – сестра повара Джакоба, – не раздумывая, ответила служанка.

– Хорошо. Пришли её ко мне после... – она представила вдруг лицо дворецкого Ортвина, когда ему сообщат, что сестра повара испрашивает аудиенции у дочери барона Трогота. – Нет, лучше скажи ей, чтоб ждала меня после полудня в «Кривом Дубе».

– Слушаюсь, госпожа. Прикажете не беспокоить до завтрака?

– Нет. Одеваться, и побыстрей.

Пока пара дворовых девок растирала влажными горячими полотенцами нежное тело госпожи, расчёсывали и заплетали роскошные золотистые волосы в сложную причёску, Милена размышляла о только что принятом решении посоветоваться с толковательницей снов. Правильно ли она поступит, доверив незнакомой женщине глубоко личные переживания. Мама, в таких случаях, всегда ходила в церковь на исповедь, и дочери настоятельно рекомендовала. Правда, молва утверждала, что преподобный отец Иаков больше интересуется историей прелюбодеяний прихожанок, нежели их душевным состоянием.

Она вспомнила, как сама последний раз была на исповеди – отец Иаков без всякого интереса выслушал сбивчивый рассказ о незаслуженно наказанной служанке, занудно процитировал что-то из священного писания, предложив искупить грех пожертвованием на богоугодные цели. Милена отчётливо представила себя на исповеди – в полуметре от невыразительного лица, главным украшением которого были пучки сизых волос, обильно растущих из чуть вздёрнутых ноздрей. Догадаться, что он может сказать своим гнусавым тягучим голосом, было совсем не трудно: «Сие, дочь моя, есть смятение разума, утомлённого сатанинскими устремлениями, насылаемыми врагом рода человеческого на нетвёрдых в истинной вере, не почита-

ющих церковь и пастырей её...» Может, конечно, он и не так скажет, но то, что всё это будет долго и непонятно, она не сомневалась.

Наверное, стоило пообщаться с Кирсой, ставшей для Милены, пожалуй, самым близким человеком за последние два длинных сезона. К ней можно было прийти в любое время, спокойно выплакаться в жилетку, не рискуя нарваться на нравоучительное наставление, а то и просто посидеть рядом с хорошим человеком, который всегда тебя поймёт и поддержит. Но... Сегодня нужна была не поддержка. Она чувствовала, что мама хотела о чём-то предупредить, предостеречь. В течение всего длинного сезона со дня смерти мамы, Милена ложилась спать, молясь о том, чтобы увидеть во сне дорогого ей человека, и ни разу этому не суждено было сбыться. А сегодня, так неожиданно... Она, вдруг, поймала себя на мысли, что её родной отец не вошёл в перечень тех, с кем можно было посоветоваться. Многие считали сеньора Трогота бессердечным человеком, не способным на проявление чувств, и, даже то, что после окончания положенного траура по жене, он не сочетался повторным браком, выглядело в глазах народа подтверждением его высокомерия и чёрствости, нежели верностью почившей супруге. Дочь думала по-другому. Отец никогда не тратил эмоции на людей, не включённых им в свой ближний круг, в который, помимо родственников, входило несколько преданных слуг. В последнее время, он всё чаще говорил о том, что дочь не должна повторить участи его несчастной жены. Милена не понимала, о чём идёт речь, но догадывалась, что наступит момент, который изменит её судьбу, и согласия на это никто не спросит.

Прислуга закончила утренний туалет госпожи, облачив её в роскошное, не только по здешним меркам, платье солнечно-жёлтого цвета. Она мельком взглянула в зеркало, убедилась, что выглядит безупречно и небрежным жестом отпустила прислугу. Служанки просили, ведь госпожа с утра была не в духе и, даже, книксенов сделали больше, чем положено, пока пятились к выходу. Через мгновение после их ухода, в дверном проёме возник молодой офицер в парадном мундире. «Кажется, кто-то из порученцев отца», – попыталась вспомнить Милена. Она, даже, не успела смутиться по поводу бесцеремонного вторжения в спальню, как офицер, отсалютовав ей, словно, старшему по званию, сообщил, что благородный сеньор Трогот спешно покинул свою резиденцию по безотлагательной важности государственному делу, но планирует возвратиться ещё до захода солнца. Дочери господина барона предписывается лично присутствовать на утренней службе в соборе Всех Верных в качестве законной представительницы власти, а, также, сделать выбор в пользу кого-либо из благородных дам, числом не менее трёх, коим надлежит разделить с госпожой Миленой завтрак, а также обеденное вкушение пищи, если на то будет её соизволение. Следом офицер стал рапортовать о наличном составе войск, числе припасов, запасах провианта. Далее пошёл перечень подразделений, заступающих в передовой дозор, точек их дислокации, маршрутов следования, вариантов взаимодействия. Затем...

Милена слушала всё это краем уха, пытаясь решить для себя первоочередные вопросы: Почему отец, сосредоточив в её руках всю власть, вплоть до командования войсками, внезапно исчез? Не грозит ли ему опасность? Вернётся ли он вообще? На первый вопрос ответ, какой-никакой, но был – государственное дело. Бывало, что отец уезжал на несколько дней, даже декад, но, при этом светская власть формально передавалась выборному старшине, а военная – начальнику гарнизона. И никогда такое бремя не вваливалось на молодую девушку, почти ребёнка. Отец всегда был лоялен к властям. Никакой крамолы. Никакой поддержки неблагонадёжным фрондерствующим личностям, всегда встречающимся в офицерской среде, он не давал. «Неужели был донос? Говорят, что герцог в последнее время чересчур подозрителен. Возможно, его выманили из города для ареста», – с ужасом подумала она, представив, что больше никогда не увидит... Какой-то непонятный ритмичный гулкий шум не давал сосредоточиться, стало тяжело дышать, офицер вдруг скорчил отвратительную гримасу, а потом и вовсе прыгнул на стену...



Отвратительная гадость обожгла губы, а через мгновение горло запылало, как лесной пожар. И дыму, похоже, от него было много, потому что глаза заволокло слезами, а в носу стоял ужасающий запах. Хватая ртом воздух, она попыталась закричать, но кроме хрипения ничего не вышло. Откуда – то взявшийся мятный напиток прохладной рекой полился в горло. Вытянутые руки нащупали перед собой кувшин и вцепились в него, как в спасительную путеводную нить. Непрерывно тѣкшие по щекам слѣзы вливались в мятную реку отдельной солёной струей. Пожар утихал и мятный напиток, победивший огонь, уносил с собой его последние горячие волны. Милена с трудом разлепила глаза и, прямо перед собой, увидела стоящего на задних лапах красного дракона с большущим, высунутым из пасти языком и огромными когтями. Дрожащей рукой она попыталась погладить его. Протянутая рука всё уменьшалась и уменьшалась, пока не превратилась в руку трёхлетней девочки, сидящей на коленях у большого мужчины в латах. Маленькая ладошка коснулась дракона, пальчики старательно обвели диковинного зверя по контуру, спотыкаясь о неровности доспехов. Девочка улыбнулась мужчине и сказала: «Папа, привези мне маленького живого дракона. Я буду с ним играть!» ...Впитавшая в себя огонь мятная река не смогла найти успокоения в желудке. Несколько раз, сильно толкнувшись изнутри, она неудержимо ринулась наружу...

...Холодный компресс приятно освежил лоб, заставив непроизвольно застонать от удовольствия. Она не стала открывать глаза, боясь, что головокружение усилится. Судя по ощущениям – Милена лежала на кровати. Шнуровка платья была распушена, и дышать было легко. Сильный запах ароматических масел наполнял комнату. Рядом с кроватью она услышала какое-то шуршание – явно возили по полу тряпкой. Поток воздуха со стороны окна донёс звуки нескольких голосов: один из голосов был женским, другой мужским. Женщина говорила очень быстро, хриплым шёпотом, с надрывом. Слов почти нельзя было разобрать, кроме часто повторяемых «идиот» и «бедная девочка». Мужчина говорил мало, односложно, иногда вставляя реплики в нескончаемый женский монолог. Внятно он произнёс только одну фразу: «в бою помогает», после чего женский шёпот стал напоминать визгливое рычание.

Милена рискнула открыть глаза, несколько мгновений изучала балдахин над своей кроватью, а, убедившись, что голова уже почти не кружится, села на постели. Женщина, оказавшаяся служанкой по имени Бригита, продолжала распекать офицера, не видя, что делается у неё за спиной. Милена повернула голову к другому источнику шума, и встретилась взглядом с испуганной плачущей Сабиной.

– Госпожа, вы нездоровы, лежите! – отбросив тряпку, она наскоро вытерла руки о передник и попыталась уложить её обратно. С другой стороны подбежала Бригита. Вдвоём они мягко, но настойчиво взялись переводить госпожу в горизонтальное положение.

– Представляете, – зашептала на ухо Бригита, – этот солдафон запретил вызвать лекаря Питера, сказав, что командующего может осматривать только армейский врач. А что эти коновалы понимают в женском организме, скажите на милость? Я обязательно пожалуюсь господину барону, потому что...

Милена вдруг вспомнила, о чём думала перед тем, как... как всё это случилось. С трудом вырвавшись из рук служанок, она повернулась к порученцу. Тот стоял посреди комнаты, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Желваки нервно металась по щекам, цветом почти не отличавшимся от вышитого на левой стороне мундира дракона. Суд над собой он, по-видимому, уже совершил и окончательный приговор вынес. Служанки зашебетали про покой, и опять попытались уложить.

– Пошли вон обе, – устало произнесла она, и, не дожидаясь, пока те удалятся, обратилась к офицеру:

– Доложить обстановку!

Порученец вздрогнул, недоверчиво посмотрел на неё, затем принял стойку «смирно» и отрапортовал:

– Произошло непредвиденное снижение боеспособности старшего командного состава. Действовал по ситуации. Применил, – тут он слегка запнулся, – подручные средства, доказавшие свою эффективность в бою, – и, вздохнув, добавил, – готов понести наказание.

Ей стоило усилий не засмеяться, услышав о «непредвиденном снижении боеспособности». Офицер не был похож на придворного льстеца, коих дочь барона, несмотря на юный возраст, повидала немало и могла отделить истинные чувства от хорошо поданной постановки. В то же время, Милена знала, с какой гордостью, молодые, едва поступившие на службу офицеры, говорят, что их приняли в армейское братство. Это честь, которую они заслужили, став своими среди своих. Об этом не пишут в уставах и наставлениях по боевой подготовке, но кодекс поведения члена армейского братства строг и не допускает двойного толкования сложных ситуаций. Офицер поступил с ней не как с «гражданской», будь она хоть дочкой барона, а, как со «своей», сделав для неё то, что сделал бы для любого другого боевого товарища.

– Благодарю за службу. – Она постаралась, чтобы голос звучал твёрдо и уверенно, невольно скопировав интонации отца.

Порученец вскинул подбородок и на выдохе рявкнул:

– Верны присяге!

– Офицер? – наморщив лоб, изобразила, что пытается вспомнить его имя.

– Кремер. Младший адъютант Кремер... – он неловко замолчал, пытаясь подобрать нужные слова, – госпожа... командующий.

– Мой... Нет, не так. У господина барона не было никаких других посланий для меня? —

Осторожно спросила Милена, почувствовав, что прежние её страхи возвращаются вновь.

Кремер на мгновение задержал выдох, впервые отвёл глаза от начальства – стало заметно, что он обдумывает ответ.

– Господин барон иногда шутит в присутствии подчинённых. – Совсем другим голосом сказал порученец. – Я не уверен, что было послание. Я не получал прямого приказа запомнить и передать. Я вообще не получал никакого приказа относительно...

– Кремер! – В другой ситуации ей стало бы стыдно за свою резкость, но воспоминания о недавнем обмороке и так отзывались неприятным эхом, а постоянно находиться в глупом положении Милена не привыкла. – Я приказываю сообщить всё, что вам известно!

– Слушаюсь! – Немедленно отреагировал офицер, чем вызвал у неё мысль, что только так и возможно общаться с такого рода людьми. – Господин барон, в шутливой форме, не прибегая к уставным оборотам речи, не используя интонационные формы приказа... – он внезапно замолчал, и Милена поняла, какое слово он не может выговорить. Если сказать «велел» – значит, приказ всё же был, а если не сказать, то, как сформулировать послание? Порученец колебался недолго:

– Дословно было сказано следующее: «можешь сказать, что теперь она получит своего дракона». В данном случае предполагалось, что у меня остаётся право выбора, но прямых обязательств на меня наложено не было. Смысл фразы не понятен, возможно, я что-то упустил или прослушал, – он разнервничался, показав, что считает это проступком.

– Достаточно. – Милена остановила мешающий сосредоточиться поток оправданий. Она была ошеломлена услышанным, так точно совпавшим с недавним видением-воспоминанием. Отец говорил «привезти дракона» в том случае, когда хотел сообщить о подарке, или о завершении очень удачного дела. Но, в любом случае, это никогда не предназначалось для постоянных ушей. «Он знал, что я буду волноваться, но напрямую успокоить меня не мог, – размышляла она, пытаясь постигнуть логику отца, – поэтому, он нашел исполнительного служаку, которому, как бы невзначай, скормил ничего не значащую фразу, будучи уверенным, что тот запомнит всё до единого слова».

Послание, хоть и переданное таким необычным образом, разрушило все чёрные цепи страха, которыми опутала свой разум Милена. Совершенно забыв про младшего адъютанта Кремера, она вскочила с кровати, едва не угодив в оставленное Сабиной ведро. Служанки, похоже, далеко не отлучались, поэтому вошли сразу, едва она позвонила в колокольчик.

– Переодеваться! И, на этот раз подыщите что-нибудь посвободнее! – Приказала она, небрежно дёрнув за шнуровку корсета. Глаза у Сабины округлились, она часто-часто заморгала, но не двинулась с места. Более смелая Бригита сделала книксен и осведомилась:

– Вы изволите одеваться при нём?

Милена только сейчас вспомнила о порученце, но настроение, поднятое хорошими вестями, располагало немного пошалить. Не глядя на Кремера, она с серьёзным видом сообщила прислуге:

– Да! С сегодняшнего дня младший адъютант инспектирует степень натяжения шнуровки на платьях всех благородных дам, – заметив изменившееся выражение лица Сабины, из вредности, добавила, – и их служанок.

Бригита, покосившись на абсолютно невозмутимого офицера, еле уловимо пожала плечами и, кивком указав напарнице, с какой стороны ей следует зайти, взялась за шнуровку платья госпожи. Роль нужно было отыгрывать до конца. Слегка повернув голову к порученцу, Милена небрежно сказала:

– Благодарю за службу, вы свободны.

Дождавшись, когда он сообщит, что по-прежнему верен присяге, она, борясь со смехом, добавила:

– К новым обязанностям приступите после отдельного распоряжения.

– Осмелюсь напомнить о необходимости пригласить на завтрак несколько благородных дам.

– Ах, да... Совсем забыла. Ответ необходимо дать сейчас? Да подождите вы, – отмахнулась она от служанок, действительно принявшихся снимать с неё платье.

– Так точно. – Ответил порученец.

Милена задумалась. Разумеется, ни Кирсу, ни сестру повара Джакоба внести в список приглашённых никто не позволит. Большинство здешних благородных дам представляло собой любительниц перемывать кости друг другу, разделённых на несколько враждующих лагерей,

состав которых менялся, чуть ли не ежедневно, в зависимости от настроений возглавлявших их особ, числившихся главными сплетницами Кифернвальда. Нечего было и думать о том, чтобы свести вместе кого-либо из враждующих сторон. Откровенно говоря, Милена не особенно представляла, кто с кем притягивается или ссорится на данный момент, так как сама, по примеру покойной матери, всегда держалась в стороне от подобных кланов. Необходимость принять быстрое решение в такой непростой ситуации угнетала, развеивая, едва установившееся хорошее настроение.

– Кого бы вы могли мне посоветовать? – Обратилась она к офицеру, решив, что искать выход из создавшегося положения должен тот, кто заставляет делать сложный выбор.

К её удивлению, Кремер, ничуть не смутившись, с ходу назвал два имени, и Милена вынуждена была признать, что эти дамы в реестр закоренелых сплетниц не входят и не чураются общества друг друга. Более того, они были из числа немногих, кого неплохо знающая человеческую натуру Кирса считала приличными людьми. Вспомнив характеристики, которые она давала обитательницам городка, Милена сама без труда смогла назвать ещё одно имя.

Колокол зазвонил, собирая прихожан на утреннее богослужение. Милена поторопила служанок с выбором одежды. Те вернулись в сопровождении портнихи и с целым ворохом платьев, отличавшихся цветом, фасоном, материалом, и каждое из них имело утягивающую шнуровку. Портниха, видя неудовольствие госпожи, деликатно намекнула, что ношение одежды

свободного покроя незамужней девушкой благородного происхождения способно вызвать двусмысленные разговоры в обществе и повредить репутации, но можно выбрать платье с минимальным количеством вставок в корсете, ибо юной госпоже совсем не требуется моделирование фигуры. На том и сошлись. Выбранное платье было нежно-зелёным с красными вставками – геральдическими цветами барона Трогота.

Милена не особо жаловала церковные службы. Отчасти из-за впечатления, которое на неё производил преподобный отец Иаков, отчасти... Хотя, нет, именно эта причина была на первом месте, как бы она ни старалась отгонять от себя эту мысль. Смерть матери перевернула её веру в могущество высших сил. Декаду провела Милена в соборе, перед алтарём Двуетного, читая наспех сочинённые молитвы о том, чтобы мечущаяся в лихорадке мама выздоровела. Она молилась и Великой Матери и Несотворённому Отцу в отдельности, принесла в качестве пожертвования всё, чем можно было бы одарить милосердных богов. И роковое известие она получила в соборе, где продолжала взывать к высшим силам, до последнего надеясь, что будет услышана. Но, мама покинула этот мир, а вместе с ней Милена утратила веру.

В Соборе Всех Верных наставляли на путь истинный солдат местного гарнизона и новобранцев из учебной роты, расквартированной за пределами крепости. Вояки никогда не были ни особенно ревностными верующими, ни особо щедрыми жертвователями, поэтому наиболее проникновенные проповеди преподобный отец Иаков приберегал для гражданского населения, состоявшего из семей офицеров, небольшого числа мастеровых, прислуги и заезжих торговцев.

Дар красноречия прорезывался у преподобного в момент открывания крышки ящичка для сбора пожертвований, который носила по рядам какая-нибудь миловидная девчушка в костюме ангела. Под звон сыпавшегося серебра, отец Иаков проникновенно взывал к чувствам верующих, предавал анафеме нечестивых горцев, называя их служителями сатаны, доставалось и самому врагу рода человеческого, равно как и всем демонам и прочим бесовским тварям. Всем же истинно верующим обещалась милость Великой Матери и содействие Несотворённого Отца в жизни мирской и деле ратном.

Почти у каждой из прихожанок был повод беспокоиться за мужа, сына или брата, несущих службу на границе Союза Верных. Женщины слушали священника, плакали, кидали монетки в ненасытное чрево ящичка, надеясь, что высшие силы отведут беду от их близких. Бывало, что по пути из таверны забредал какой-нибудь отставной военный, доживающий свой век при гарнизонном госпитале, да и то, с целью подремать немного на дальних рядах, пока из головы немного выветрится хмель, и можно будет, не особо спотыкаясь, добраться до своей койки. От ветеранов священник никогда не получил ни одной монеты, но умудрялся извлекать выгоду от одного их присутствия, приводя в пример остальным, как «верных заветам Двуетного, выживших в кровавой схватке со злом, только благодаря заступничеству милостивых Богов».

Однажды, невесть как попавший в собор чиновник из столицы Восточного герцогства, назвал отца Иакова «демагогом». Милена никогда не слышала такого странного выражения, долго боролась с искушением спросить у кого-нибудь из взрослых, но поразмыслив, пришла к выводу, что это понятие заменяет образованным людям слово «пустобрёх», которым преподобного называла никогда не посещавшая богослужения Кирса.

Милена вошла в распахнутые двери с последним ударом колокола. Сегодня ей не удастся отсидеться на любимом местечке – за колонной в предпоследнем ряду – придётся сесть впереди всех и ответить на ритуальный вопрос священника: «Все ли верные собрались в доме божием?» Несмотря на количество людей, присутствующих в соборе, надлежало ответить: «Все, кто верен». К утренней службе никогда не собиралось большого числа прихожан. Женщины были заняты хозяйством, из прислуги никто раньше полудня свободного времени не имел, а вете-

раны, в столь ранний час, даже в таверне не появлялись. Вот и сегодня, двигаясь по центральному проходу в сторону алтаря, Милена смогла насчитать всего восемь человек.

Меж тем восходящее солнце уже заглянуло внутрь здания через огромный круглый витраж, с изображением Несотворённого Отца, на восточной стене. Озарённые ярким светом распахнутые руки божества, казалось, устремились вперёд, обнимая собравшихся в соборе людей. Светлый лик засиял неземной красотой, устремив взор свой на противоположную стену, где лучей заходящего солнца дожидался витраж с Великой Матерью. Глаза всех присутствующих были обращены на восток, наблюдая, как Несотворённый Отец, вместе с солнцем стремится запечатлеть поцелуй на устах своей божественной супруги.

Отец Иаков представлял собой довольно комичное зрелище – вытянув худую шею и нахмутив кустистые брови, он напряжённо всматривался вдаль, словно жаждал увидеть нечто новое в ежедневно повторяющемся действе. В момент кульминации он задержал дыхание, о чём моментально известили – перестав шевелиться – растущие из ноздрей волосы, после шумно выдохнул, смиренно склонил голову и упёрся взглядом в Милену, сидевшую в первом ряду, напротив алтаря. Несколько мгновений преподобный подслеповато щурился, быстро стрельнул глазами вправо, затем влево и, не заметив больше никого из наделённых властью, приблизился к девушке. Та, хоть и смотрела в сторону священника, но мысленно репетировала свой ответ на ритуальный вопрос, опасаясь подвести доверившего ей это дело отца. Она напряжённо ждала. Пауза затягивалась. Вся, обратившись в слух, чтобы ненароком не пропустить вопрос, она услышала, даже, как на последних рядах забулькала жидкость, переливающаяся из фляжки в чьё-то горло.

Поймав пристальный взгляд священника, Милена тут же лишилась всей своей сосредоточенности и, ясно осознавая нелепость ситуации, неуверенно пробормотала:

– Меня послали сказать... Верные собрались...

Отец Иаков посмотрел в сторону дверей и осведомился:

– Господин барон не удостоит нас своим присутствием?

– Отец отбыл рано утром, прислал порученца с указаниями, – начала было рассказывать она, но быстро поняла, что детали преподобного не заинтересовали. Кадык на тощей шее дёрнулся вверх-вниз, глаза сузились и уставились в одну точку. Трудно было ожидать, что известие об отъезде сеньора Трогота может вызвать такой эффект. Внезапно преподобный вышел из ступора, схватил девушку за руку и прошептал:

– Скажи мне, собирался ли он вернуться сегодня?

Милена несколько раз мелко кивнула, ошеломлённая таким поведением священника. Тут Отец Иаков и вовсе сделал совсем не свойственную ему вещь – растянул губы в некое подобие улыбки. Отступив на шаг назад, он воздел обе руки и провозгласил:

– Мир вам, верные завету Двуетного!

Это означало, что служба закончилась. Возможно, кто-то из прихожан и удивился такому повороту событий, но вида не подал. Две женщины задержались возле алтаря, с явным намерением пообщаться со священником, остальные же двинулись к выходу. Милена присоединилась к ним, справедливо рассудив, что поручение отца, так или иначе, выполнено, а больше ей здесь делать нечего. Уже в дверях она заметила отсутствие на поясе кошелька для раздачи милостыни, запоздало вспомнив, что перебирая наряды, совсем о нём забыла. Размышляя о том, кем прослыть лучше – растяпой или жестокосердной гордичкой – Милена вышла из собора, но не увидела никого из нищих на обычных местах.

«Едва ли они догадывались о намерениях преподобного провести столь короткую службу, и, наверняка, околачиваются возле таверны», – подумала она, торопливо пересекая площадь.

– Пойдите, юная леди, мне вас не догнать! – Раздалось у неё за спиной.

Это оказался лекарь Питер, с трудом поспевавший за девушкой на своих коротких ногах. Любовь к тёмным сортам пива, способствовала приобретению фигурой лекаря избыточной дородности. Что и говорить – скороход из Питера был никакой.

– Как ваше здоровье, добрая госпожа? – С одышкой проговорил лекарь, держась за левый бок. – До меня дошли слухи...

«Уже разнесли по округе», – с неудовольствием подумала Милена, а вслух сказала:

– Не извольте беспокоиться, со мной всё в порядке.

Питер приблизился и, окинув девушку строгим взглядом, сказал:

– Это хорошо. Выглядите неплохо. Я смотрю, отвар из ромашки по моей рецептуре, помог вашим чудесным волосам.

– Да, большое спасибо, – Милена не любила вспоминать свою неудачную попытку изменить цвет волос при помощи снадобья, купленного у заезжего торговца.

– Тогда не смею задерживать, юная леди, – Питер поклонился, смешно растопырив руки.

Дворецкий Ортвин был душой родового гнезда баронов фон Кифернвальд. Если бы кто-нибудь вдруг вздумал сказать ему, что он всего лишь прислуга, то Ортвин бы, наверняка, оскорбился. Он начал служить отцу сеньора Трогота в те времена, когда распри между герцогствами, ныне объединившимися в Союз Верных, достигли критической точки, доведя их до невиданного упадка. А отец Трауда служил прадеду и деду нынешнего владельца титула. Как то дворецкий обмолвился, что его предок был среди тех, кто начинал осваивать эти земли, и строил собор Всех Верных. Глядя на старинное величественное здание, трудно было предположить, насколько далёкие времена имелись в виду. Но слова эти никто под сомнение не ставил, зная его исключительную честность и отменную память.

Несмотря на свой почтенный возраст, Ортвин передвигался по дому бодро, без всякого намёка на старческое шарканье, и лишнего шума тоже не издавал. Поэтому Милена почти не удивилась, внезапно обнаружив его прямо перед собой. Почти, потому что вместо традиционной серебристо-серой ливреи с красными галунами и зелёным позументом, на старом слуге была надета ливрея парадная – зелёная, расшитая золотыми нитками, с пуговицами в виде золотых сосновых шишек. Ортвин изящно поклонился и сказал:

– Приглашённые ждут в малой гостиной, ваша милость.

Она оглянулась, решив, что дворецкий обращается к внезапно возвратившемуся отцу, но никого не обнаружила. Ортвин был единственным из слуг, кому позволялось обращаться к дочери барона по имени, называя «госпожой Миленой», а в беседе с другими людьми, он упоминал её, как «молодую госпожу».

«Не зря, видимо болтают дворовые, что старик, временами, бывает не в себе, – подумала она и не стала перечить, – похоже, спутал меня с мамой». Дворецкий направился в сторону малой гостиной, и Милене ничего не оставалось, как идти следом.

«Интересно, – размышляла она, держась, однако, на расстоянии более почтительном, нежели предписанное этикетом, – а если слуга сошёл с ума, то его же больше нельзя держать в замке, вдруг учудит что-нибудь невероятное, или кусаться начнёт».

Последнее предположение было вызвано воспоминаниями о событиях, произошедших четыре длинных сезона тому назад, когда один из местных бездельников, всегда ошивавшихся возле таверны, до того упился дешёвым шнапсом, что лаял на посетителей, а кого-то пытался ухватить за ногу остатками гнилых зубов. Почему вдруг вспомнился этот случай, Милена едва ли смогла бы объяснить, но воображение уже рисовало, как одетый в парадную ливрею Ортвин, грациозной походкой... именно походкой – потому что представить его передвигающимся другим способом, даже фантазируя, было невозможно – подходит к жертве, элегантно берёт её под локоть и говорит: «Ваша милость, не соизволите ли подвергнуться покусанию?»

Развеселившись от собственных мыслей, она не заметила, как дворецкий, отворив двери, объявил:

– Баронесса фон Кифернвальд!

Присутствовавшие в малой гостиной дамы разом поднялись со своих мест, сделали почтительный книксен, и, не очень дружно, произнесли:

– Доброго здоровья вашей милости.

Представить, что кусать её начнут прямо сейчас и все четверо сразу, включая Ортвина, Милена уже не смогла. Наполнявшее девушку веселье хлынуло через край, заставив её, сначала прыснуть в ладошку, а потом неудержимо расхохотаться. Дамы смутились, приняв это на свой счёт, стали торопливо поправлять платья, причёски, драгоценности, чем вызвали новый приступ смеха. Впрочем, стоило «их милости» взглянуть на сервированный стол, веселье пропало само собой. Утро выдалось богатым на события, и, сейчас, Милена чувствовала, прямо-таки зверский аппетит.

– Умираю с голоду, – простонала она и решительно прервала процесс прихорашивания приглашённых на завтрак женщин: – Катарина! Хильда! Люси! Прекращайте это немедленно! С вами всё в порядке, и выглядите вы замечательно. Пойдёмте, скорее, за стол!

– Как будет угодно вашей милости, – ответила за всех самая старшая из приглашённых, вдова полковника Пфальца – Катарина – дама, уважаемая всеми без исключения офицерами гарнизона и большинством их жён. Хильда была женой управляющего помещьем и лично занималась поставками фруктов для дворцовой кухни. Люси – молодая женщина, ненамного старше хозяйки званого завтрака, была замужем за лесничим Генрихом. Именно её имя назвала сама Милена.

Повара постарались на славу. Хрустящие блинчики с вишнёвым мармеладом служили украшением стола недолго, горка из свежее испечённых булочек превратилась сначала в холмик, а затем и вовсе исчезла. К варёным яйцам едва притронулись, а ветчина и сыр, хоть и убывали, лишь стараниями одной Катарины, заметно уменьшились в объёме. Хильда очень хвалила мёд, обильно сдабривая им всё, на что нацеливались её острые зубки, а не слишком привычная ко второму – господскому – завтраку Люси, отщипывала по одной ягоды от большой грозди винограда. Перепробовав всего понемногу, Милена предпочла бодрящий травяной чай молоку и подслащённому пиву, так понравившемуся всем трём приглашённым дамам без исключения. Этот напиток и помог завязать беседу, коснувшуюся сначала таких животрепещущих тем, как праздник урожая и ярмарка, новые фасоны платьев, присланные из Остгренца, а уж затем, плавно перешедшую к интересующим Милену вопросам.

– Ваша милость, должно быть, догадывается, – издалека начала Катарина, дождавшись паузы в разговоре, – что наше присутствие здесь связано с определённым поручением...

Ответом ей был едва уловимый кивок.

– ...выполнить его сеньор Трогот попросил меня, в присутствии двух незаинтересованных свидетелей.

– Стоп. Разве мог отец знать заранее, что ты будешь приглашена?

– Господин барон мудр, – улыбнулась Катарина, – он хорошо знает людей и легко может влиять на будущие события, помогая в принятии решения.

Теперь Милена поняла, что её затруднения с выбором кандидатур, были заранее предсказаны, подсказки заготовлены и в нужный момент, аккуратно и без нажима поданы, заменив её собственное мнение.

«Мне уже исполнилось шестнадцать длинных сезонов, – с грустью подумала она, – но считать меня неразумным ребёнком, не перестали. Да, я послушная дочь, но, означает ли это отсутствие самостоятельности? Да, я не настолько проницательна, чтобы разглядеть истинные мотивы, движущие людьми, но, разве с этим качеством рождаются? Да, мне не хватает знаний и опыта, но разве можно получить их, послушно проглатывая заранее припасённую подачку?»

Ощущение неловкости, которое она так ненавидела, стало потихоньку раздувать пока ещё слабый огонёк раздражения. На языке вертелись не вполне оформившиеся колкости, которые хотелось высказать вслух этим самодовольным кукловодам. Резко отставив от себя кружку с остывшим чаем, Милена уже собралась озвучить накопившиеся обиды, как вдруг её внимание привлекла Люси, которая скорчив уморительную гримасу, пыталась отгрызть кожицу у засахаренного яблока. Фрукт оказался упорным и не поддавался. Люси нахмурилась, неодобрительно фыркнула и повторила попытку. Похоже, что она переоценила свои возможности по поводу пива. Милена нашла взглядом стоявшего наготове лакея, кивком головы указала на жену лесничего, и несколько мгновений пыталась вспомнить, что же хотела сказать. Когда вспомнила, в очередной раз стало стыдно.

«Бедняжка Люси и не догадывается, что не дала мне совершить глупость. Надо учиться владеть собой», – подумала она, и, вопросительно взглянув на Катарину, сказала:

– Так на чём мы остановились?

Катарина отхлебнула из своей кружки, едва уловимо скривила угол рта:

– Ваш чай тоже совсем остыл, не прикажете ли заварить свежий?

Сказано было дружелюбно и без всякого намёка на снисходительность. Стараясь загладить свой промах, Милена искренне улыбнулась и, глядя в глаза собеседнице, сказала:

– Разумеется. Для моих гостей только самое лучшее.

– Ой, спасибо! Как вкусно! – Это был возглас Люси, которой лакей подал тарелку с аккуратно нарезанными плодами.

Чай был обжигающе хорош. Катарина восторженно причмокивала губами, через каждые несколько глотков нахваливая напиток. Хильда, с видом знатока, объясняла, какие травы придают столь утончённый вкус, и советовала сдобрить настой мёдом. Удалось убедить Люси, что чай ей совсем не помешает, и, вскоре, к ней стала возвращаться ясность мысли. Милена осторожно тянула губами терпкую, чуть горьковатую жидкость с запахом полевых цветов, казавшуюся сейчас невообразимо вкусной и без всякого мёда.

Разговор возобновился легко, свернув сразу же на кулинарные рецепты и способы заготовки овощей. Теперь Катарине стоило усилий переключить собравшихся на нужную тему.

– Хватит, хватит про кабачки! Об этом можно поговорить и в следующий раз! Итак! В присутствии свидетелей я уполномочена заявить, что сеньор Трогот больше не намерен вступать в брак, и, не имея законно признанных потомков мужского пола, объявляет наследницей титула свою единственную дочь. – Произнесено было с чувством, но без подобострастия. Свидетели дружно вскочили со своих мест и восторженно захлопали в ладоши. Катарина искоса взглянула на аплодирующих и сдержанно улыбнулась. Милена стала гораздо лучше понимать её и догадалась, что заранее отрепетированное действие дало сбой.

– Вы, как будто и не удивлены?

– Не удивлена. Я всегда знала, что рано или поздно такое случится. Не скрою, я это представляла себе совсем по-другому.

– Разумеется! – Катарина засмеялась. – Торжественное объявление ещё впереди. Господин барон вернётся в сопровождении высокопоставленного лица, которое и засвидетельствует это важнейшее событие.

– Ой, а кто приедет? – Вмешалась Люси. – Неужели сам герцог? Вот бы посмотреть.

– Опомнись, Люси! – назидательным тоном произнесла Хильда. – Конечно же, сеньор Трогот уважаемый человек, достойный такой чести. Но, сама посуди – куда бы мы дели герцогскую свиту, которая превышает всё население нашего городка.

– Их действительно так много?

– Ещё бы! Ты помнишь, как твой муж устраивал охоту для сыновей графа Этьена?

– Помню. – Люси закатила глаза и покачала головой. – Приехало столько народа, что загонщикам в лесу было тесно.



– Так вот, свита герцога Гедсона гораздо больше. – Убедительно сказала Хильда, пресекая все попытки к дальнейшему развитию темы.

Милена вспомнила выражение лица священника и внезапно закончившуюся службу.

– А ещё кто-нибудь знает о намерениях господина барона? – Обратилась она к Катарине, и, не дожидаясь ответа, уточнила: – кроме Ортвина.

– Не уверена. У вас нет здесь ни одной родственницы, которая могла бы выполнить эту миссию... Поэтому сеньор Трогот возложил на меня почётную обязанность... Но, я никому... – Катарина заволновалась, и, впервые, в её глазах мелькнул испуг. – Вам бояться нечего. Единственная законная дочь... Никаких претендентов...

– Подожди! Я не совсем поняла. Чего бояться?

– Как раз наоборот! Бояться нечего! У вас не соперников, претендующих на титул!

– Это я и так знаю. – Милена нахмурилась. – А если бы были, мне бы угрожала опасность?

Катарина ненадолго задумалась и ответила обстоятельно и подробно:

– Начну с того, что сеньор Трогот всегда серьёзно относился к традициям. В семьях аристократов, особенно многодетных, не принято громко распространяться о том, кто выбран в качестве наследника титула. Как правило, желающих всегда оказывается больше, чем один. И претенденты должны были доказать своё право на титул, убедив соперников отказаться от власти, или устранив их. Поэтому господин барон обещал вернуться сегодня, зная, что найдёт свою дочь живой и невредимой. А бывали случаи, когда сражения между наследниками длились по несколько дней, и самый сильный...

– Скорее уж самый жестокий, – вырвалось у Милены.

– Пусть так. И самый жестокий подчинял себе выживших.

– Это ужасно.

– Если каждому наследнику раздавать титулы и владения, страна рискует превратиться в лоскутное одеяло, где графства будут размером с пастбище, а сеньоров станет больше, чем крестьян.

– Я поняла. Мне не даёт покоя поведение отца Иакова...

– А что с ним не так? – Насторожилась Катарина.

– Преподобный, буквально оцепенел, узнав о внезапном отъезде отца. Поинтересовался, вернётся ли он в этот же день. Отменил богослужение.

– Вот как. – Задумчиво произнесла Катарина. Сложив ладони и прижав указательные пальцы к губам, она немного помолчала, уставившись в одну точку, и сказала: – Кажется, я догадалась. Преподобный не глуп. Он мог знать заранее, что сеньор Трогот намерен встретиться с какой-то важной персоной, но не догадывался по какому поводу. И когда, после разговора с вами понял, что эта самая персона посетит Кифернвальд...

Она сделала паузу, потом легонько хлопнула себя ладонью по лбу и сказала:

– Отменив службу, старый плут наверняка побежал приводить в порядок церковное хозяйство. А это значит, что, скорее всего, на церемонии будет присутствовать сам архиепископ.

Таверна «Кривой Дуб» была в числе самых первых городских строений, каковыми, помимо неё являлись: крепостная стена, казармы и башня многоугольной формы – донжон, положивший начало современному баронскому дворцу. Их архитектура разительно отличалась от прочих, строившихся в разные времена разными людьми и представлявших пёструю смесь стилей и направлений, когда-то считавшихся передовыми или просто модными. Кифернвальд никогда не испытывал недостатка в строительном камне – залежи слоистых горных пород, позволявших без особых затрат производить каменные блоки, разрабатывались, чуть ли не сразу за городскими воротами. Но первые здания строились совсем другими методами. Огромные каменные монолиты, без всяких следов обтёсывания и скрепления раствором, были с поразитель-

тельной точностью подогнаны друг к другу. Камень был тот же – местный, но из таких пластов, какие никогда не использовались по причине их невероятной толщины.

Под самым потолком таверны, в длинной стене, была прорезана пара квадратных отверстий непонятного назначения. Слишком маленькие для окон, они совсем не годились для освещения. На первых этажах других зданий окна не предусматривались вовсе, а в донжоне не было и двери, находившейся на уровне второго. Стропила и перекрытия между этажами состояли из пропитанной неизвестным составом древесины, полностью лишённой способности гореть и впитывать влагу. Возможно, что и двери были сделаны соответствующим образом, но ни одна из них не сохранилась – период междоусобиц был долгим и город несколько раз переходил из рук в руки. Не сохранилась и оригинальная черепица, хотя, кто может вспомнить, имела ли она особенности?

Никто толком не знал, когда и кем были возведены эти постройки, за долгие сезоны своего существования, обросшие большим количеством легенд, домыслов, а то и просто откровенных небылиц. Разумеется, первым номером в этом списке стояло, усердно поддерживаемое церковью, предположение, что эти строения были дарованы благочестивым людям милосердными Богами. На что скептики – а находились и таковые – взглянув на собор, интересовались: «Почему же он не похож на творение Богов»? Пастыри отвечали, что Божества сами не могут строить себе храмов – это удел людей, обязанных быть верными завету Двуетного. И тут скептики задавали вопрос, всегда приводивший в бешенство любого священника: «Храм, значит, они сами строить не могут, а таверну получается, могут? И, может быть завет и состоит в том, чтобы вкусно поесть и хорошо выпить»? «Осквернили дом Божий нечестивцы и лишили его истинного предназначения», – сокрушались священники, не высказывая, однако никаких внятных предположений по поводу этого самого «истинного предназначения».

Да и трудно представить себе, что здание, имеющее кухонное помещение с огромной печью, внушительных размеров погреб, большой зал на первом этаже и несколько изолированных комнат на втором, могло использоваться для других целей. Более того, зал на первом этаже обставлен столами и скамьями, вмещавшими по четыре человека в ряд. Мебель была сделана из того же самого камня и могла сдвигаться с места на место, но желающие тягать неподъёмную тяжесть находились не часто, поэтому расстановка столов никогда не менялась. Говорили, что ещё совсем недавно таверна была чем-то вроде офицерского клуба, пока её в этой роли не заменил ресторан при гостинице. С тех пор в «Кривом Дубе» стало собираться простонародье, а также солдаты и нижние чины. Одна из местных легенд гласила, что своё нынешнее название таверна получила по имени содержавшего её когда-то отставного майора по прозвищу Дуб. У широкоплечего здоровяка был недостаток, из-за которого он, собственно говоря, и вышел в отставку – отсутствие одного глаза, выбитого плетью во время отражения очередного набега демонов из Легиона Сатаны, добравшихся, бывало и до городских ворот. Впрочем, ходили слухи, что название таверны менялось не так уж и редко, а в более ранние времена она называлась «Любвеобильная Гертруда».

Милена не стала дожидаться послеполуденного колокольного звона, благо никакими больше обязанностями связана не была. Прежнее стремление разобраться в значении сновидения уже порядком поиссаякло, но желание встретиться с Кирсой не пропало. Посетителей в таверне не оказалось, как обычно и бывало, пока не наступал обеденный час. Свет проникал внутрь, лишь через распахнутую настежь дверь, а внутри царили полумрак и прохлада – толстые стены еле-еле успевали немного нагреться к вечеру и к утру снова оказывались холодными. Вход был сориентирован так, что максимум освещения приходился на предзакатные часы, поэтому зашедшая в полдень Милена, в первый момент не смогла разглядеть, есть ли кто-нибудь за стойкой в глубине зала.

– Мила! – Из кухонного проёма, на ходу вытирая руки о передник, выбежала Кирса – дородная, солидного роста, розовощёкая женщина. – Мила! Как хорошо, что ты зашла к нам. Эй, Герман! Пошевеливайся, бездельник! У нас важная клиентка.

Вмиг здоровенные ручищи сграбастали «важную клиентку» в охапку и прижали к необъятных размеров груди. Милена закрыла глаза и всхлипнула – как же хорошо, что есть к кому прийти, обнять и, можно даже ничего не говорить, просто греться, как у большого костра, который никогда не обожжёт.

– Как я рада, – Кирса отстранилась, – дай, хоть, на тебя посмотреть. Пстой-ка, – она нахмурилась, придирчиво осмотрела гостью. – Тебя там совсем не кормят? Тощая-то какая, тростиночка, да и только. Знаю я, как едят в этих дворцах! Всё вопросы государственные за столом решают – куска в рот положить некогда. Наговоритесь вволю, а кишки пустые. Герман! – Закричала она в сторону кухни. – У тебя там что, вторая нога отвалилась?

– Кирса, я успела по тебе соскучиться. Декады две, наверное, прошло, как мы не виделись.

– Да, ну! Кажется, что ты не была здесь целую вечность. Пойдём, хоть поешь по-человечески.

Милена знала, что бесполезно убеждать хозяйку таверны в том, что во дворце умеют вкусно готовить, и никто, даже из двора, там плохо не питается. Но, при каждой новой встрече, Кирса сокрушалась, что «несчастную девочку морят голодом в этой каменной клетке».

– Садись за господский стол, а я сейчас пойду прижгу кочергой задницу старому лодырю.

«Господским» называли небольшой круглый стол недалеко от стойки. Возле него стояли три деревянных стула, выглядевших иначе, чем две декады назад. Впрочем, ничего удивительного – это была единственная мебель, которую приходилось обновлять после каждой крупной драки. Из кухни раздался шум, как будто что-то тяжёлое упало на пол, а потом громкий возглас:

– Соус где, я тебя спрашиваю? У нас такие люди, а ты опять в своём погребе отраву варишь!

Шевели костями!

Вскоре послышались шаркающие шаги, но восхитительный аромат опередил их, и уже изрядно пощекотал носик Милены, когда из кухни появился хромой старик, неся большой поднос, уставленный горшочками с блюдами знаменитой, на всё Восточное герцогство, кухни.

– Ты уж не серчай, ваша милость, – Герман тяжело дышал, видимо спешил, как мог. – Я и не слышал, в подвале-то. На, вот, покушай горяченького. Бульончик с клёцками, как ты любишь. Капустка. Колбаски уже жарятся.

– Спасибо, вкусно как пахнет. – Она зажмурилась и шумно втянула носом воздух. – М-м-м...

– Мила! Я уже колбаски несу. А ты, пенё старый, давай на кухню! Полюбовался на молоденькую, и хватит.

Кирса поставила на стол судок и уселась рядом с Миленой.

– Представляешь, поставил в погребе котёл и наловчился делать зелье из адской дряни. Хорошо, хоть не тянет в нашу сторону, а то вонища, как будто протухшее вымя коровье варят.

Милена не представляла, как пахнет сей продукт, но поморщилась и, на всякий случай, поинтересовалась:

– Адская дрянь? Что это?

– Охотники, ну, дикари которые, промышляют. – Кирса понизила голос. – Демона прикончат, выпотрошат, то, что можно взять, возьмут, потом вымочат в... – она сделала паузу, скривив губы, искоса посмотрела на девушку – ... пожалуй, лучше тебе этого не знать. Так вот, и мясо это в деревнях крестьянам втихаря продают. Ворожеи хорошо берут, да и бабы, для мужиков своих. Говорят, если сосисок из такого мяса мужику скормить, – Кирса мелко заколыхалась всем телом, издавая негромкий горловой смех, то... – она осеклась, закашлялась,

отхлебнула из принесённой с собой кружки, и продолжила: – Так вот, а Герман отвар из него делает, с травками разными. А потом отвар в крепкий шнапс добавляет – забористая штука получается. Я один раз попробовала, так чуть глаза не повылазили. Офицеры хорошо берут, говорят, бодрит. Даже лекарь наш, и тот... А ты чего это покраснела вся? Перцу переложил что ли, хряк колченогий?

– Нет, – поспешно ответила Милена, покосившись на тарелку с бульоном, – обожглась.

– Да не торопись, а если что остынет – принесу горячего.

– А не опасно есть мясо демонов?

– Что ж мы тут, клуши деревенские что ли? – Возмутилась Кирса. – Тут тебе сатанинскую отбивную никто не предложит. А Герман делает... как это по-учёному, – она наморщила лоб, – а, вспомнила – кастрат. Нет, кажись, не так. Во! Точно вспомнила – экстракт. Я им даже преподобного угощала, ведь он всегда хвалился, что слуг сатаны за милю чует. А тут, намахнул рюмашку – чуть из рясы не вывинтился, так его передёрнуло. Но одобрил, покупает иногда. Не знает, правда, из чего делается. Да и зачем ему?

– Кирса, – Милена осторожно начала разговор об основной цели своего визита, – я здесь назначила встречу одной женщине. Возможно, ты её знаешь.

– О чём ты говоришь! У меня тут весь город перебивал. Все бывали. Хоть, по разу, но все.

– Это сестра повара Джакоба – Аделинда.

Лицо хозяйки таверны застыло, она откинулась на спинку стула, заскрипевшего особенно громко в неожиданно наступившей тишине. Левая рука соскользнула со столешницы, пальцы, нервно теребя передник, двинулись вдоль шва, потом встретились со стулом и несколько раз стукнули по сиденью.

– Ох, не зря, про ворожей вспомнила, – Кирса сказала это шёпотом, тихо выдыхая через рот, будто задувая невидимую свечу. Другой рукой она подпёрла щёку. Взгляд несколько мгновений блуждал по тарелкам с едой, пока не сосредоточился на госте.

– Тебе, хоть, эта ведьма на что сдалась? – Обратилась она к растерянной девушке, уже пожалевшей о своей затее.

– Ведьма? – Пролепетала Милена, потрясённая переменой, произошедшей с Кирсой.

– Зачем ребёнка пугаешь, дура, – произнёс кто-то низким женским голосом, не выражавшим, впрочем, ни вопросительных интонаций, ни возмущения.

Обе собеседницы подскочили от неожиданности, обнаружив, что посреди зала, в луче света из подпотолочного окошка, стоит неизвестно откуда появившаяся женщина. Кирса с преувеличенным вниманием оглядела заставленный горшочками стол, пробормотала: – Так, ведь остыло уже, – и, подхватив всё, что смогла унести, почти бегом удалилась на кухню. Милена провожала её взглядом, куда могла, боясь повернуть голову в сторону Аделинды.

«Я баронесса, а она сестра повара. Это она должна меня бояться, а не я. Это она. Пусть поздоровается, и тогда я разрешу ей сесть. Лучше бы, конечно, ушла. Это лучше всего».

Она усиленно скосила глаза вбок настолько, что зашевелилось ухо, но и оно не смогло никого обнаружить.

«Если немного повернуть шею, ещё немного, ещё. Никого...».

Облегчённо выдохнув, Милена опустила голову, почти уткнувшись в тарелку. Плавающие в бульоне клёчки внезапно вызвали острый приступ брезгливости – она резко выпрямилась и оказалась лицом к лицу с, сидящей на месте Кирсы, сестрой повара Джакоба. Вблизи Аделинда оказалась печальной женщиной неопределённого возраста. На фоне очень бледной кожи, большие карие глаза выглядели совсем маленькими. Из их опущенных внешних уголков, казалось, вот-вот потекут слёзы. Тонкие обескровленные губы были похожи на морщину, прорезавшую совершенно гладкую, будто у статуи, кожу. Головной платок скрывал большую часть лба и волосы, но Милена почему-то решила, что они совершенно седые. «Такое ощущение, что я раньше никогда её не видела».

– С позволения вашей милости, – морщина удлинилась, видимо изображая улыбку, но выражение лица не изменилось, – я присяду, а то ноги уже не те, что раньше.

– Почему тебя так боится Кирса? – Вырвалось само собой у Милены, совсем не собиравшейся говорить это вслух.

– Много их таких. Нагрешат по молодости, за советом прибегут, да о помощи слёзно просят. А потом, оказывается, ведьмы во всём виноваты. – Она замолчала и, не дождавшись следующего вопроса, продолжила:

– Вижу, лицо моё стараешься вспомнить. Не пытайся. Я не прислуживаю во дворце. Живу на отшибе. В городе бываю не часто. Кстати, если хочешь, зови меня тётушкой Адой. Тебе можно. – Сказала так, будто она была вышестоящей и предложила быть с ней на равных.

Милена была удивлена и восхищена одновременно. Никто с ней так никогда не разговаривал, разве что Кирса, которая искренне заботилась о ней, но даже и не думала о том, чтобы позволить себе такой покровительственный тон. Аделинда вызывала симпатию, не прилагая никаких усилий и не пытаясь извлечь из этого никакой выгоды!

– Тётушка Ада, – начала Милена и почувствовала, что собеседнице приятно такое обращение, – мне под утро сон приснился, можете его истолковать?

Ниточки, туго натягивавшие маску, на которую так было похоже лицо сестры повара Джаспера, ослабли, совершенно преобразив её. Трудно было поверить в это, но сидевшая напротив немолодая женщина имела здоровый цвет кожи и румянец на щеках. Тонкая сеточка морщин вкупе с лукавым прищуром придавала взгляду озорное выражение, а с ярких губ не сходила улыбка.

– Да в таком возрасте, любой сон к замужеству, – подмигнув, сообщила Аделинда оторпевшей Милене. – Раз уж рот разинула – съешь чего-нибудь. И глазоньки красивые так широко открывать не обязательно, ты сейчас меня не только ими видишь, а ещё и сердцем воспринимаешь. Обострил твои чувства ведьмин сок. У мужиков от него только кровь быстрее по жилам течёт, а женщины, ну не все, конечно, силы доселе неведомые обретают. Вижу – не по своей воле попробовала – знать, судьба такая, если столь рано ты с ним пересеклась. А вот к добру, или к худу, мне пока неизвестно, – она продолжала улыбаться, но в глазах промелькнула грусть. – Захочешь знающей стать – найдёшь меня сама. И помни – тот, кто верит только глазам – сам голову в петлю обмана засовывает. Напоследок скажу тебе ещё кое-что: бойся получившего руку, остерегайся протянувшего руку, не осуждай отдавшего руку...

Со стороны входа послышался гомон голосов, Милена вздрогнула, резко повернула голову и увидела зашедших в таверну солдат.

– Простите, тётушка, я отвлеклась, – она хотела добавить, что слушала внимательно, но извинения повисли в воздухе – стоящий напротив стул был пуст.

Из кухни выглянула Кирса, насторожённо оглядела зал, не обнаружив ни одной ворожеи, приободрилась и, приосанившись, двинулась навстречу новым посетителям. С полдюжины солдат, в новенькой форме, толпились у стойки, громко делясь впечатлениями о местных сортах пива. Завидев хозяйку заведения, они замолчали, потом кто-то присвистнул, и, тем самым, словно дал команду остальным, принявшимся восторженно причмокивать губами и ощупывать взглядом пышные формы Кирсы. Та, без сомнения знала, какое впечатление производит на большинство половозрелых существ мужского пола. Остановившись в паре шагов от солдат, она расправила плечи, подбоченилась, выгодно подчеркнув линию бёдер и, слегка наклонившись, томно провоковала:

– Чего желаете, служивые?

Служивые, онемев от восхищения, некоторое время пялились во все глаза, потом один из них вышел вперёд, подчёркнуто надменно окинул хозяйку взглядом снизу вверх и противным гнусавым голосом процедил сквозь зубы:

– Слышь, девка, лучшего пива героям дальнего рейда!

Кирса всплеснула руками, изобразила книксен, колыхнув бюстом так, что солдаты враз проглотили слюну, и несвойственным ей голосом забормотала:

– Сию минуту, господин офицер, всё будет сделано, я сейчас принесу вам на пробу то, что всегда подаю нашим славным героям, вернувшимся из дальнего рейда.

Она скрылась за стойкой, а названный офицером, гордо выпятил грудь и, повернувшись к товарищам, произнёс:

– Ну, как я её?

Все вокруг загалдели, «офицеру» достались одобрительные жесты и дружеское похлопывание по спине. Милена, с интересом наблюдавшая эту сцену, никак не могла понять поведения Кирсы, неплохо разбиравшейся в армейской иерархии. По невыгоревшим на солнце мундирам и отсутствию знаков различия, можно было предположить, что посетители – все до единого – новобранцы, не так давно прибывшие в учебную часть.

– Уже несу, господин офицер! – С этими словами хозяйка таверны возвратилась с большой кружкой, неся её в обеих руках высоко над головой. – Всё для вас, доблестные защитники Кифернвальда!

«Офицер» принял кружку двумя руками, победоносно оглядел окружающих и припал губами к краю. Сделав первый большой глоток, он вздрогнул, медленно опустил кружку, представив взорам остальных искажённое гневом лицо и капли белого цвета на подбородке. Один из солдат сразу понял, чем напоили их повышенного в звании товарища и громко захохотал, указывая остальным:

– Смотрите, наш Карл молочка отведал!

Дружный хохот заставил Карла покраснеть, не глядя, сунув кому-то в руки злополучную кружку, он сжал кулаки и сделал угрожающее движение в сторону Кирсы. Хозяйка таверны не испугалась. Окинув солдат жалостливым взглядом, она вздохнула и спросила:

– Вы, ребята, хоть раз видели человека, вернувшегося из дальнего рейда? Только что из госпиталя вышедшего, когда кожа новая едва отросла на месте ран, да ожогов?

Смеяться перестали. Новобранцы притихли и уже по-иному смотрели на Кирсу, больше не пытаясь раздевать её глазами.

– Вы думаете, они тут пиво в глотку вливают, пока из ушей не потечёт? Нет, ребятки. Кто несколько дней, а кто и декаду целую, молочко пьёт помаленьку, чтобы яд из тела вывести, да окрепнуть, потому, как другую еду организм не принимает. А все, кто пытается спиртным лечиться, очень быстро попадают в армию Несотворённого Отца. Оно, наверное, почётно, вот только на побывку оттуда не отпускают.

Барон Трогот возвратился незадолго до начала вечерней службы в соборе. Сигнальщик с надвратной башни протрубил в рог, сообщая населению о прибытии сеньора, и вскоре в город торжественно вступил конный полувзвод его личной охраны под развёрнутым знаменем. Позади замыкающей шеренги двигались трое всадников, один из которых был хорошо знаком местным жителям, а вот двое других весьма заинтересовали немногочисленных зевак, наблюдавших этот маленький парад. По правую руку от барона, на мерине буланой масти, ехал человек, облачённый в фиолетовый плащ. Его лица под капюшоном не было видно никому, но плащ говорил сам за себя – такие носили только представители высшего духовенства.

По левую руку от сеньора Трогота, приотстав на треть корпуса, двигался вороной жеребец. Гарцующего на нём всадника вполне можно было принять за обычного офицера гвардии Его Высочества герцога Гедеона, тем более, что следом через ворота проследовала группа конных гвардейцев. Но, внимательный наблюдатель, наверняка заметил бы богато украшенную сбрую вороного жеребца, изящно пошитые сапоги из кожи тонкой выделки на его всаднике, а также плащ из очень дорогой плотной ткани. А вот его головной убор совсем не вязался

с достатком, являясь потёртой кожаной шапкой, какую в городах обычно носят мастера-кожевники, да и то не самые зажиточные.

Милена наблюдала за возвращением отца с верхней площадки донжона, и такие мелкие подробности, как качество выделки кожи на сапогах, рассмотреть не могла. Её больше интересовал наездник буланой лошади – похоже, Катарина не ошиблась в своих прогнозах.

Телохранители барона, не доезжая до дворца, разделились на две колонны, принявшие, каждая в свою сторону, освобождая дорогу для Трогота и прибывших с ним господ. Двигавшиеся следом в плотном строю, конные гвардейцы, остановились и разом спешились. Замешкался только кто-то из середины второй шеренги, едва не свалившись с седла, но товарищи подхватили, не дав упасть неуклюжему кавалеристу. Однако именно он оказался одним из двух гвардейцев, которые помогали сойти с седла на землю человеку в фиолетовом плаще и сопровождали его во дворец.

Позади послышался скрип лестницы, Милена обернулась и увидела выглядывающую из люка Сабину.

– Ваша милость, велено переодеть вас для церемонии. Его высокопреосвященство уже прибыл и скоро они вместе с господином бароном проследуют в собор.

– Я уже спускаюсь. Не следует заставлять ждать архиепископа Берхарда.

Собор Всех Верных был полон народа. Ни одно место не пустовало, даже в первом ряду, где помимо самого барона и его дочери сидел весь командный состав гарнизона со своими жёнами. Десятки горящих свечей подчёркивали торжественность события. Обычно отец Иаков не затруднял церковную казну тратами на освещение, но сегодня не поскупился на самые дорогие свечи, что дало возможность прихожанам хорошенько рассмотреть приехавших из столицы гостей. А посмотреть было на что – стоящий возле алтаря архиепископ Остгрэнцкий представлял собой зрелище, нечасто выпадающее на долю жителей небольшого провинциального городка, каковым всегда был Кифернвальд, несмотря на свой почтенный возраст и огромные заслуги в деле защиты южных рубежей Восточного герцогства.

Архиепископское облачение потрясало воображение, затмевая своим великолепием всё, чем мог похвастаться собор, включая оба витража. Расшитая риза сверкала в свете свечей при каждом движении Берхарда так, будто была соткана из бесчисленного количества неугасаемых искр. Митра вызывала особое уважение среди людей, вращавшихся в армейских кругах, где размер головного убора значил очень много. Ритуальный посох в левой руке архиепископа мог бы и потеряться на фоне сияющего облачения, если бы не золотое навершие, выполненное в виде символа веры в Двуетного – вытянутого ромба со вписанной в него окружностью.

В двух шагах позади Берхарда стоял прибывший вместе с ним господин, сменивший свою неказистую шапку на роскошный чёрный берет. Его чёрный с красным камзол не сверкал, но был пошит не самым последним портным в Остгрэнце, а использованные для отделки кружева, должны были стоить немалых денег. Незнакомец был молод, носил щеголеватые тонкие усики и небольшую аккуратно постриженную бородку. Он со скучающим видом ловил восхищённые взгляды местных дам, иногда делал едва уловимый кивок и слегка растягивал губы в улыбке, видимо следуя столичному этикету. Трудно было представить, что он знал лично кого-нибудь из жителей Кифернвальда.

Архиепископ поднял свой посох, призывая к вниманию, и возложил правую руку на Камень Богов – матовый чёрный шар, размером с головку сыра, на подставке в виде усечённой пирамиды, который с величайшей предосторожностью доставили из столицы и установили на алтаре. Шар засветился мягким слегка мерцающим голубым светом, вызвав большой ажиотаж в первых рядах. Люди повскакивали со своих мест, надеясь получше рассмотреть святыню, о которой все слышали, но видеть доводилось не многим. Со средних рядов возмутились, начав покрикивать на заслонивших обзор, кто-то полез раздвигать руками не в меру любопытных

сограждан. Сидевшие у самого входа, не видя вообще ничего, дружно покинули свои места и рванули вперёд. Началась давка, кое-где перешедшая в потасовку. Мужчины активно заработали локтями, пытаясь продвинуться на более удобное место, дамы пустились в словесную перепалку.

– Одумайтесь! Не пристало Верным завету так вести себя в доме божием! – Безуспешно пытался образумить людей Берхард, бросая призывные взгляды на барона. Сеньор Трогот поднялся со своего места, повернулся к толпе, и, некоторое время, понаблюдав за подданными, гаркнул во весь голос:

– Отставить! Смирно! Вернуться к первоначальной диспозиции!

Большинство присутствующих были людьми военными, поэтому подчинились сразу и беспрекословно, быстро разойдясь по своим местам. Архиепископ снова поднял посох и, дождавшись тишины, прочёл из священного писания:

– ...И склонились они пред образом Великой Матери, прославляя её чрево плодоносящее, и сделали покорны и замирились между собою и оставили поле битвы. И расцвела земля, возделанная трудом их. И просветил разум их Несотворённый Отец, и построили они храм и поклонялись там Двуетному и был мир в сердцах и умах Верных...

Берхард убрал руку с Камня Богов, начавшего на глазах тускнеть, коснулся ладонью груди в области сердца, затем живота, потом лба. Его жест повторили все присутствующие, испрашивая для себя благодать высших сил.

Милена не успела заметить, откуда появился глашатай, державший в руках горн и свиток пергамента. На одной половине его камзола, выполненной в геральдических цветах Трогота, был вышит дракон, на другой – в чёрно-золотых цветах герцога Гедена – рука, держащая пучок стрел. Глашатай протрубил в горн сигнал «внимание» и, после долгого перечисления всех заслуг барона фон Кифернвальд, объявил то, что уже ни для кого не являлось новостью. Сеньор Трогот встал, предложил дочери опереться на его руку и двинулся, вместе с Миленой в сторону алтаря. Архиепископ улыбнулся ей и, показав куда нужно встать, сказал:

– Подойди ближе юная баронесса. Тебе оказана великая честь. Лишь немногим избранным позволено прикоснуться к этой святыне. Позови, и сила, непостижимая для человеческого разума откликнется на твой зов. Но, помни, только тех, кто твёрд в истинной вере, могут заметить Боги.

Милена вдруг обнаружила, что стоит перед Камнем Богов одна, и отца рядом нет. Ощущая спиной многочисленные взгляды, словно подталкивающие вперёд, она сделала ещё шаг и приблизилась к алтарю вплотную. Берхард продолжая ободряюще улыбаться, указал глазами на шар. Милена впервые увидела архиепископа вблизи и совсем не удивилась тому, что он оказался старше, чем виделось вначале, в колеблющемся пламени свечей. Тем страшнее было оказаться недостойной, и подвести пастыря, надеющегося на свою духовную дочь и желающего ей только добра. А Милена, нисколько не сомневалась, что Боги её отвергнут. Представив многоголосый вздох разочарования, который последует через несколько мгновений, она зажмурилась и коснулась ладонью шара.

Вздох действительно раздался, заставив девушку поморщиться, как от сильной боли, но следом послышались громкие крики, слившиеся вскоре в совершенно невероятный шум. Милена открыла глаза, боясь встретиться взглядом с Берхардом, и была очарована восхитительным голубым сиянием, окружающим Камень Богов и устремлённым ввысь в виде светового конуса. На какой-то миг свет потускнел, и внутри конуса стала заметна фигура женщины в свободно ниспадающих одеждах, с молитвенно сложенными на груди руками.

«Великая Мать, я перед тобой... Прости мне маловерие и гордыню... Мама, я не смогла попросить за тебя... Я была недостойна...» – Сумбурные мысли металась в голове, не заслоняя, впрочем, поднимавшегося из глубины души ликования. Во всём теле чувствовалась невероят-



ная лёгкость, будто на ангельских крыльях, Милена воспарила над алтарём, стараясь заглянуть в глаза Богини и, быть может, прочесть там свою судьбу.

Ладонь перестала ощущать шар, и сияние моментально исчезло. Оказалось, что архиепископ, потянув на себя подставку, разорвал контакт. Удивлённая, она захотела снова коснуться Камня Богов, но Берхард перехватил её руку, проворно вышел из-за алтаря, увлекая девушку за собой, и обратился к людям:

– Возрадуйтесь, Верные завету Двуетидного! Ибо свершилось чудо! Великая Мать услышала наши молитвы и при посредничестве дочери сеньора Трогота явила свой лик! Запомните и расскажите своим детям! Те, кто видел это, искупили грехи свои, ибо всякий кому посчастливилось узреть сие чудо, очистился и начал жизнь праведную!

Милена радовалась вместе со всеми и была готова упасть на колени, как сделало большинство присутствующих. Особенно ревностные верующие подползли по центральному проходу поближе и стали целовать край одеяния Берхарда, попутно, припадая губами и к платью баронессы. Не ожидавшая такого проявления чувств, она повернула смущённое лицо к архиепископу и увидела, как сосредоточен священник, и с каким вниманием он следит за поведением людей на дальних рядах.

Перекрывая шум, прозвучал горн глашатая, предварив объявление о том, что «его милость барон фон Кифернвальд объявляет завтрашний день праздничным». Поискав глазами отца, Милена обнаружила его недалеко от переместившегося в первый ряд незнакомца в чёрном берете, который, встретившись с ней взглядом, отвесил полупоклон и, небрежным движением указательного пальца, взъерошил кончик усов. Отец, похоже, вёл с кем-то молчаливый диалог: вот, он слегка покачал головой из стороны в сторону, почти сразу же выразительно моргнул, сопроводив это едва заметным кивком, и вопросительно вскинул брови. По направлению его взгляда, она попыталась определить, другого участника «разговора», предполагая, что это некто, стоящий справа от архиепископа, так и не выпустившего её руку из своей. Берхард смотрел прямо перед собой на коленопреклонённых верующих, жаждавших облобызать его ризу. Заметив движение Милены, он повернул в её сторону голову, улыбнулся и кивнул, видимо, желая подбодрить.

Поздний вечер был явно перенасыщен событиями, поэтому, мало кто из присутствующих на церемонии обратил внимание на третий выход глашатая, который, не особо повышая голос, объявил:

– Сеньор Трогот, барон фон Кифернвальд, даёт положительный ответ на предложение архиепископа Остгрентского Берхарда о заключении брака между управителем церковных земель Восточного герцогства, фогтом Отто и баронессой Миленой.

Она долго искала возможности поговорить с отцом наедине. Случай представился уже полночь, когда отдавший все распоряжения Трогот, потребовал вина с лёгкой закуской перед отходом ко сну. Милена терпеливо дождалась лакея у дверей опочивальни, с решительным выражением лица, отобрала у него поднос и сама предложила отцу вино и сыр.

Барон не высказал никакого удивления по поводу её присутствия, и повёл разговор так, будто продолжал оборванное на полуслове:

– Лучшего жениха трудно себе представить. Племянник архиепископа Берхарда, богат и влиятелен при дворе. Может быть, не настолько знатен, как мы, и его герб не идёт ни в какое сравнение с нашим. Но эти геральдические тонкости меня интересуют в последнюю очередь.

– Как вам будет угодно, отец. – Всё что она смогла сказать в ответ, оказалось совсем не тем, что было подготовлено заранее, поэтому прозвучало не слишком искренне. Милена хотела рассказать о странном предсказании Аделинды, но не осмелилась, ведь отца это тоже касалось. Но разве мог он выбрать ей в мужа человека, способного причинить вред. Красавчик Отто не производил такого впечатления, ни с первого взгляда, ни со второго.

Барон досадливо скривился, пристально посмотрел на дочь:

– Перестань изображать прислугу, я никогда не требовал от тебя овечьей покорности. Ты уже не ребёнок, и должна понимать, что рано или поздно покинешь родной дом. Да, возможно, всё это слишком неожиданно...

– Конечно, я не ребёнок. Шестнадцать длинных сезонов. – Милена закусил губу и намеренно не смотрела на отца, внимательно изучая орнамент на глиняной бутылки с вином. – Я так понимаю, что должна буду уехать из Кифернвальда.

– Да, выйдя замуж за Отто, ты будешь жить в Остгренце.

– Помнится, у вас... – она сделала паузу – ...с мамой... на мой счёт были совсем другие планы. Я постоянно слышала о тех, кто мечтает получить руку дочери барона Трогота.

– Планы были... Ты же знаешь, мы не купаемся в роскоши. Поместье приносит не такой уж большой доход. Компенсации на военные расходы невелики и крайне нерегулярны. Я мог бы найти для тебя жениха, кого-нибудь из крупных коммерсантов, из тех, которые спят и видят, как бы приладить на свою печать баронскую корону. Это позволило бы поправить наши финансовые, да и другие дела тоже.

– Так, в чём же причина? Мама, ведь, тоже была не против. – Она сознательно ещё раз напомнила барону о жене, понимая, что причиняет ему страдание, но и сама сейчас испытывала не лучшие чувства.

Отец вздохнул, осушил кубок, против обыкновения не став смаковать вино. Через силу разжевал кусочек сыра, проглотил, словно горькое лекарство:

– Это было давно... А причина в том, что тебе пришлось бы жить здесь.

– Да, разве, это проблема? Я с радостью осталась бы!

– Пожалуйста, не кричи, – он поморщился, как от зубной боли. – Так будет лучше... Выслушай меня! – Впервые он применил повелительный тон, видя, что его хотят перебить. – Здесь почти невозможно жить, не принимая участия в... Иными словами, не совсем безопасно. Твоя несчастная мать тому доказательство. Ты – единственное, что у меня осталось в этой жизни. Я уже один раз не смог уберечь любимого человека от беды, и не хочу, чтобы это повторилось. Я принял решение. Ты будешь жить в столице, подальше от бесовского леса, от пограничных стычек с демонами, а особенно от людей, от таких людей, как я...

Последние слова барон произнёс глухо, было видно, что нахлынувшие воспоминания поглотили его целиком. От неожиданности, Милена не могла вымолвить ни слова. Трудно представить, что отец был каким-либо образом причастен к смерти мамы.

– Отец... – заметив, что её не слышат, девушка опустилась на ковёр у его ног, заглянула в лицо. – Я не верю, что вы можете быть в чем-то виноваты. Это невозможно...

– Возможно... Мы любили друг друга... понимали, даже не с полуслова, а... а потом я сам приобщи её... она делала успехи, гордилась этим, мы оба были счастливы. – Трогот ласково смотрел на дочь, нежно гладил её по голове, но Милена понимала, что вместо неё он видит совсем другое лицо. – Она слишком ответственно бралась за дело... не могла по-другому... Аделинда, ведь, отговаривала...

– Что?!! Мама была знакома с сестрой повара Джакоба?

Барон вздрогнул, встряхнул головой, словно очнулся ото сна, и посмотрел на дочь так, будто впервые увидел её здесь.

– Отец, пожалуйста, – он умоляюще сложила руки, – похоже, от меня многое скрыли. Как всё было на самом деле?

– Ничего нового я тебе не скажу. Эрна помогала выхаживать раненых, после особенно крупного прорыва Легиона Сатаны...

– Я знаю, но почему заболела только она? Никто же из армейских от этой лихорадки не умер!

– На всё воля Богов, – усталым голосом проговорил Трогот.

Милена знала, что отец никогда не страдал избытком религиозности, и к таким формулировкам прибегал нечасто, лишь в тех случаях, когда старался уйти от неприятной темы в разговоре.

– Мне говорили, что Аделинда... – она помедлила, но всё же произнесла это слово – ... ведьма. Что общего было у неё с мамой?

– Она это слово не любит, называет себя знающей. – Барон криво усмехнулся и налил себе ещё вина. Сделал глоток, причмокнул от удовольствия. – У Эрны были любимые овечки, Аделинда помогала ухаживать за ними и лечить. Им требовалось много внимания.

– Я помню овечек. Мне почему-то не разрешали с ними играть. А после смерти мамы они все куда-то исчезли.

– В общее стадо, куда же ещё, – равнодушно сказал Трогот, но ей почудилось, что он очень постарался, чтобы это прозвучало как можно более небрежно.

Следующий вопрос ей задать не удалось из-за внезапно раздавшегося колокольного перезвона.

– Что за дьявол? – Барон нахмурился, вслушиваясь в беспорядочные удары колокола. – Это что за смесь «пожара» «общего сбора» и «карантина»? Раненько, однако, начали праздновать. – И, обращаясь к дочери, добавил: – Ступай к себе, сейчас стража образумит ночного музыканта.

– Просыпайтесь, ваша милость. Господин барон приказал разбудить вас рано. – Бригите пришлось сказать это несколько раз, сопровождая осторожным потряхиванием по плечу, прежде чем госпожа баронесса попыталась открыть глаза.

Милена едва подняла голову с подушки, казалось, что она прилегла всего мгновение назад.

– Вещи уже собраны, его высокопреосвященство желает отправиться в путь немедленно, не дожидаясь завтрака.

– Могли бы и без меня проводить. Скажи там... что я нездорова. – Зевая, обратилась она к служанке.

– Это невозможно, госпожа. Вы уезжаете вместе с ним, а в пути прислуживать вам будет Сабина.

– Что?! Ты в своём уме?

– Господин барон распорядился уложить ваши вещи и подготовить костюм для верховой езды, если ваша милость соизволит ехать в седле.

«Лошадь, наверное, и то спросят, захочет она куда-нибудь ехать, или нет», – с досадой подумала Милена, и, не скрывая раздражения, прикрикнула на служанку:

– И долго ты на меня смотреть будешь? Пошевеливайся!

Трогот попрощался с дочерью сухо. Не глядя в глаза, поцеловал в лоб и, осенив знаком Двуетиного, легонько подтолкнул в сторону открытого экипажа, в котором уже сидел архиепископ в фиолетовом плаще с накинутым капюшоном и пристроившаяся на самом краешке сиденья для слуг Сабина. Милена была не в настроении, но заставила себя вежливо пожелать Берхарду доброго утра. Капюшон качнулся в знак того, что она была услышана, но до словесного общения его высокопреосвященство не снизошёл.

Фогт Отто, привстав на стременах, поприветствовал невесту самым изящным поклоном, который можно исполнить, находясь в седле. Его старая кожаная шапка, при ближайшем рассмотрении, выглядела так, будто переходила по наследству в шестой или седьмой раз, причём, каждый хозяин не очень-то и стремился придать ей достойный вид. Франтоватый молодой человек смотрелся в таком головном уборе весьма забавно, чем вызвал хихиканье служанки и снисходительную улыбку её госпожи. Впрочем Отто несколько не смутился, уже знакомым

жестом встопорщил усы и направил своего жеребца в авангард, состоявший из конных гвардейцев.

Кортеж тронулся. Милена, сидевшая лицом вперёд по ходу движения, несколько раз оглядывалась, тщетно пытаясь разглядеть отца среди двигавшегося следом за экипажем отряда его личной охраны. Проезжая по пустынным, в этот утренний час, улицам, она прощалась с родным городом, стараясь крепче запечатлеть в памяти и увезти с собой частичку так неожиданно закончившегося детства. Стук колёс по мостовой тяжёлым вздохом отразился от свода надвратной башни. Подъёмный мост опускался рывками и раскачивался, у самой земли его чуть не заклинило, и понадобилось время, прежде чем кортеж смог покинуть городскую черту. Так неохотно расставался Кифернвальд с одной из своих жительниц. Как ни старалась Милена убедить себя в неизбежности и совершенной обыденности происходящего, слёзы предательски потекли в тот момент, когда экипаж выехал из зубчатой тени надвратной башни на большую дорогу. Рука, ещё мгновение назад пустая, ощутила прикосновение платка. Не открывая глаз, девушка повернула голову в сторону скамеечки для слуг и благодарно кивнула заботливой Сабине.

Путешествие оказалось до невозможности скучным. Окрестности баронесса фон Кифернвальд знала неплохо, и смотреть на открывающиеся по обе стороны дороги виды было не интересно. Архиепископ всячески уклонялся от предложенного разговора, качая головой, неопределённо пожимая плечами, и даже более того – он молчал, как статуя, игнорируя все писаные и неписаные нормы поведения в обществе. Милена, не привыкшая к такому откровенному хамству, в конце концов, потеряла всякое терпение и потянулась к Берхарду, намереваясь сдёрнуть с его головы капюшон. Священник ловко перехватил её руку, сжав так, что пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть. Милена помнила прикосновение архиепископа во время церемонии – его, не знавшая тяжёлой работы ладонь, была мягкая, почти женская, но, рука, вцепившаяся в её запястье, по твёрдости не уступала ободу колеса.

Из этого можно было сделать только один вывод – перед ней не Берхард. «Надо попытаться привлечь внимание, и негодяя... – а она была уверена в преступных намерениях незнакомца, – ...тут же схватят». Девушка с сомнением посмотрела на спины едущих впереди конных гвардейцев и переключилась на приотставших телохранителей барона, двигавшихся в арьергарде. Сначала она хотела попросту спрыгнуть на дорогу, ведь скорость экипажа была не слишком большой, но потом отказалась от этой идеи, всё-таки решив выбросить что-нибудь такое, что сможет заметить охрана. «Как назло, у меня с собой ничего нет, тюки с вещами приторочены позади сидения. Может быть у Сабины... О! Хорошая идея!» Милена уронила на пол платок и, наклонившись за ним одновременно со следившей за каждым её движением служанкой, прошептала:

– Как только дам знак, выскакивай на дорогу, беги к нашим и зови на помощь. Поняла?

Сабина испуганно округлила глаза, но кивнула утвердительно. Тут Лжеберхард как-то особенно свистнул, и от последнего ряда конных гвардейцев отделился всадник. Придержав коня, он дождался, когда с ним поравняется экипаж, и неторопливо поехал рядом на расстоянии вытянутой руки. Самозванец соизволил, наконец, подать голос, произнеся длинную фразу на непонятном языке. Гвардеец поднял забрало шлема, и, не поворачивая головы, сказал:

– Госпожа баронесса, не нужно поднимать шум. Человека рядом с вами зовут Ганс, он начальник моей охраны. В целях безопасности подменяет меня во время передвижений. Приношу извинения за пережитые вами неприятные мгновения, но сообщить о нашем маленьком секрете не представлялось никакой возможности. К сожалению, Ганс никудышный собеседник, поэтому вам придётся немного потерпеть его общество, пока мы не доберёмся до места на границе с землями графа Этьена. Там гораздо безопаснее, чем на здешних пограничных дорогах, и я с удовольствием составлю вам компанию.

К вечеру того же дня достигли небольшого укрепления, про которое упоминал архиепископ.

– Заночуем здесь, – объявил он, подъехав к остановившемуся экипажу. – Эй, Ганс, снимай капюшон, он тебе совершенно не идёт. Для вас, миледи, подготовлена комната, служанку можете оставить при себе. Возле дверей будет всю ночь дежурить стража, офицер Бергер готов выполнить любое ваше распоряжение.

Утомлённая путешествием Милена кивнула, в знак того, что у неё нет никаких вопросов, искоса поглядывая на начальника охраны. Ганс снял фиолетовый плащ, представ в своём истинном облике, который не отличался особым благообразием. Мрачного вида мужлан с грубыми чертами лица и сильно выпирающим вперёд подбородком, производил отталкивающее впечатление. Ганс повернулся к ней и улыбнулся. Баронесса судорожно хлебнула ртом воздух, увидев, как приоткрытые, обезображенные страшным рубцом губы пришли в движение; растягиваясь они сомкнулись с глухим костяным стуком, заставившим её вздрогнуть ещё раз. Начальник охраны сказал что-то нечленораздельное и покачал головой.

– Простите, – выдавила из себя Милена, – я не совсем...

– Ганс просит его извинить, – слышался издали голос Берхарда, – если вы пообщаетесь с ним хотя бы половину длинного сезона, то вполне сносно сможете его понимать.

Она представила себе эту идиллическую картину, почувствовав, что головокружение уже где-то на подходе, и крепко ухватила за дверцу экипажа. Резкий запах какого-то ароматического снадобья моментально привёл в чувство, заставив чихнуть и зажмурить начавшие слезиться глаза.

– Хватит, Сабина. Гадость-то, какая, фу... Чтоб я без тебя делала. Вот, возьми пару монет.

– Благодарствую, госпожа. Вы желаете сейчас пройти в апартаменты?

– Воображаю, какие в этой дыре могут быть апартаменты. Наверное, курятник освободили.

Знаешь, что, сходи и посмотри, где нас разместят, а я пока побуду здесь, пройдусь немного перед сном.

Прогуливаться, по большому счёту было негде. Внутренний двор небольшой крепости почти полностью занимали расположившиеся на отдых гвардейцы герцога Гедеона и телохранители барона Трогота. Служивые не медля соорудили несколько костров, и в котлы уже посыпалась крупа, готовая превратиться в сытную солдатскую кашу. Интендант архиепископа выставил обоим отрядам шнапс и громогласное «Верны присяге!», вырвавшееся из трёх десятков глоток, распугало, наверное, всех демонов в округе.

Милена и не предполагала, что ходьба может доставлять такое наслаждение затёкшим от долгого сидения ногам. Она обнаружила тропинку вдоль обращённой к лесу стены крепости, соединяющую погреб с полуразрушенным пакгаузом, по которой и прогуливалась, забавы ради считая шаги. Быстро наступившие сумерки застигли её возле погреба, откуда неслись кислые запахи не слишком хорошо приготовленных солений. Девушка в очередной раз наморщила носик и поспешила в противоположную сторону, уже с трудом различая тропинку. «Дойду до пакгауза, и нужно будет повернуть налево, там уже будут видны костры». Осторожно, нащупывая ногой дорогу, она двинулась вперёд, зная, что пройдя тридцать четыре шага, упрётся в груды камней из осыпавшейся стены.

Солдаты явно не скучали. После плотного ужина и согревающей винной порции, слышались звуки барабана и флейты, выводивших мелодию популярной, в среде военных, песни.

Под ногами захрустели осколки камней. «Двадцать девять, тридцать, тридцать один, тридцать два...».

Музыканты доиграли последний такт вступления и сильный мужской голос запел:

*Солдат красотке молодой, – следом с десяток глоток грянули  
припев:  
Йо хилле, йо хо хо!  
Назначил встречу под сосной.*

Она обошла камни и двинулась вдоль длинной стены.

*Йо хилле, йо хо хо!  
Селянка бойкая была.*

Какой-то посторонний, не связанный с песней звук раздался по ту сторону стены. Милена остановилась, но припев не дал ничего расслышать:

*Йо хилле, йо хо хо!  
Но честь девичью берегла.*

Осторожно коснувшись грубой кладки, она стала ощупывать камни, пока не наткнулась на небольшое оконце.

*Йо хилле, йо хо хо!  
Хотел её поцеловать.*

Приблизив к проёму ухо, девушка с удивлением услышала своё имя. Сначала она подумала, что на её поиски послали слуг, но голос звучал слишком тихо.

*Йо хилле, йо хо хо!  
Красотка стала убегать.*

– ... смогла инициировать... – голос, похоже, принадлежал Берхарду.

*Йо хилле, йо хо хо!  
Её сам дьявол захватил.*

– ... беспокоит ночной перезвон...

Голос второго собеседника остался неузнанным, но это мог быть только Отто. Представить, что кто-либо другой, вот так, по-свойски будет беседовать с архиепископом в пустом тёмном пакгаузе, было трудно.

*Йо хилле, йо хо хо!  
И в ад с собою потащил.*

– ... звонарь был мертвецки пьян...

*Йо хилле, йо хо хо!  
Солдат в погоню, в тот же миг.*

– ... возможно, это был сигнал...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*И злого демона настиг.*

– ... шпионы из Западных земель...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*Рога ему поотрубал.*

– ... если заинтересуются...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*И хвост узлами завязал.*

– ... представляет немалую ценность...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*Спасённая без сил была.*

– ... мало кому удавалось...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*На травку тихо прилегла.*

– ... придётся срочно уехать...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*Солдат спасибо ждать не стал.*

– ... при угрозе захвата...

*Йо хилле, йо хо хо!*  
*И юбку девице задра-а-а-л!*

Берхард сказал ещё несколько слов, из которых Милена смогла уловить только «не должна».

—*Йо хилле, йо хо хо!* – прозвучали финальные слова припева, полностью исключив любую возможность подслушивания. Когда шум поутих, она придвинулась ещё ближе к окошку, но из пакгауза больше не донеслось ни звука.

## 2

– Эй, есть тут кто-нибудь? – послышалось со стороны тропы в тот момент, когда Вистан решил, что про него уже забыли и последнюю ночь в долине ему придётся провести в одиночестве.

– Я здесь, – негромко откликнулся он.

– А я уже было подумала, что перелезла через эти чёртовы горы и сейчас начнётся спуск к святошам.

Женщина миновала последний изгиб тропы, помогая себе руками, перебралась через край скальной полки и, от усталости, села там же, прямо на траву.

– Уф, ну и высоко же ты забрался, – сказала она, пытаясь отдышаться, – даже не представляла...

– У меня ещё выше есть два пастбища, – похвастался Вистан, не вдаваясь в подробности относительно их более чем скромных размеров. Но на гостью эти слова произвели должный эффект – она присвистнула и покачала головой:

– Тропа вроде бы здесь заканчивается, дальше только...

– ... по верёвке.

– И овцы по верёвке сами лазают? – Засмеялась женщина.

– Нет, – Вистан не любил, когда над ним подшучивали и, во избежание дальнейших распросов, решил объяснить: – Я их никогда не таскаю на тропе – они боятся, поэтому, одной рукой прижимаю к себе, а другой хватаюсь за верёвку.

– О, да ты сильный парень. А со мной вместе сможешь забраться на верхнее пастбище? – Лукаво улыбнулась она.

Вистан окинул взглядом её фигуру. Не слишком высокая, плечи узкие, как и талия, а бёдра и грудь наоборот. Лодыжки тонкие, ступни маленькие. «Сразу видно – работать в поле никогда не приходилось, да и что ей, родильнице, там делать. Вес у неё, пожалуй, невелик», – подумал он, но вслух честно признался:

– Не знаю.

Вопреки ожиданию, она не стала смеяться, поднялась с травы и, сделав несколько шагов, присела на камень возле костра, горевшего у входа в грот. Пещерка была ещё одной гордостью Вистана. Пол он выровнял, сдолобив выступы, а впадины заполнил подходящими по размеру и форме камнями. Получилось не хуже, чем в доме. Аккуратно сшитые шкуры полностью покрывали пол, служив, заодно, и постелью. Но женщина всем этим не заинтересовалась. Она серьёзно и оценивающее смотрела на Вистана, а он, в свою очередь смог поближе рассмотреть гостью. Прежде всего, поразила очень бледная кожа на скуластом лице, особенно если сравнить с постоянно работающими на открытом воздухе матерью и тёткой. Рыжие выющиеся волосы свободно ниспадали на плечи. Маленький вздёрнутый носик и небольшой красиво очерченный рот. Она смотрела прямо на него, но отблеск костра мешал разглядеть цвет её широко расставленных глаз.

– Меня зовут Молли. А ты, Вистан, похоже, из домашних, я права?

Он кивнул, не совсем понимая причину вопроса.

– Отец жив?

– Нет, умер три года назад. А почему ты спрашиваешь?

– Домашних сразу заметно. Только те, кто воспитывался в семье, относятся к женщине... – она вздохнула и добавила – ... как к человеку.

– Не понял.

– Я и не сомневалась, – снова развеселилась она. – Знаешь, мне бы умыться с дороги. Я пока сюда лезла, слышала шум воды.



– Вон там, за выступом небольшой водопад. Я обрушил пару камней, и получилось что-то вроде ванны. Пойдём, покажу.

– Ванна! – Передразнила его Молли. – Так и сказал бы, что устроил поилку для овец.

– Овцы пьют в другом месте! – Рассердился Вистан. – А ванна для меня. Ну и ты, конечно, можешь...

– Ладно, не обижайся. Залезай под одеяло, а я скоро вернусь.

– И вправду ванна! – Послышался издали её восторженный голос. – Спасибо!

Молли задержалась недолго, вернулась, дрожа и постукивая зубами от холода. Стянув через голову одетый прямо на голое тело балахон, быстро юркнула под одеяло и прижалась к Вистану всем телом.

Костёр догорал. Молли лежала рядом с Вистаном, положив голову на его плечо, и думала о чём-то своём. Он чувствовал себя неуютно от этого молчания, но тему для разговора найти пока не мог.

С нижележащих пастбищ раздался негромкий женский визг, тотчас же заглушённый чьим-то рыкоподобным хохотом. Сегодня ещё несколько достигших совершеннолетия парней проводили свою последнюю ночь в долине.

– Молли, ты не спишь? Можно тебя спросить кое о чём?

Она помотала головой сначала отрицательно, потом утвердительно. Жёсткие рыжие волосы хлестнули его по носу, заставив чихнуть. Молли задрожала от беззвучного смеха, повернулась на бок и, подперев голову рукой, сказала:

– Здесь ты не исключение из правил. Спрашивай.

– Скажи, – осознание чего-то неправильного возникло уже после первого произнесённого слова, но он всё же продолжил, – ты довольна своей жизнью?

Она откинула одеяло и переместилась в сидячее положение. Вистан ещё раз подивился её белой коже, казалось, осветившей тесное пространство грота.

– Я, наверное, зря... Извини, если что... Глупый вопрос...

– Нет, не глупый. – Молли повернулась к нему лицом, вздохнула. – Это мне нужно просить прощения. В какой-то момент подумала, что ты не так уж и отличаешься от всех прочих. Знаешь, я сама себе боюсь задавать этот вопрос. Ты еще очень мягко сформулировал – «довольна». Может быть, стоило спросить по-другому: «Молли, ты хотела бы изменить свою жизнь»?

– И каков был бы ответ?

– Ответ... Когда я смотрю на возвращающихся с поля, еле передвигающих ноги от усталости, потных и грязных фермерш, я начинаю думать, что не так уж и плохо устроилась. Хотя, нет, «устроилась» не самое подходящее слово. Кто ж меня спрашивал о планах на будущее... Моя мать была родильницей. Я видела её всего пару раз, и то, не как мать, а как постороннего человека, про которого сообщили, что он – близкий родственник. Меня и воспитывали так, чтобы когда-нибудь я сама заняла её место. Знаешь, сначала такая жизнь кажется очень простой – подложат под парня, которому на следующий день отправляться в Пещеры, потом беременность, роды, затем следующий парень... Родишь пятерых жизнеспособных детишек – и свободна. Всё легко и просто! Если бы ещё все ребятки рождались нормальными и здоровыми... Иногда начинаешь задумываться – а что потом? Фермерши из нас никакие, сам понимаешь. Можно попытаться устроиться при детках малых, но туда целая очередь желающих. Кто-то уходит в Пещеры, заводит там семьи, правда репутация там, у бывших родильниц, не самая лучшая. Большинство остаётся при Родильном Доме до тех пор, пока организм не износится вконец... Многие вполне довольны такой жизнью и, даже радуются, что не знают другой. Знаешь, я иногда прислушиваюсь к себе и, если... вдруг почувствую, что начинаю... радоваться...

Вистан сел рядом, несмело обнял за начавшие зябнуть плечи, попытался снова извиниться, но Молли прижала палец к его губам и прошептала на ухо:

– Прости, что окунула с головой в свои проблемы. Спасибо, что выслушал.

Он почувствовал, как она дрожит от холода и потянулся за одеялом.

– Эй, Холден! – Хриплый вопль пронёсся над скалами. – Как там твоя баба?

– Да, ничё, резвая! – Ответил другой и заржал гулким неприятным смехом.

– А моя старая, и какая-то квёлая! Может, поменяемся?

– Нельзя! Нельзя! Вы что это удумали? – Запротестовал взволнованный женский голос.

– Давай! – С воодушевлением согласился Холден. – Уж я-то её мигом расшевелю!

Раздавшийся следом пронзительный визг моментально растворился в вызванном им же эхе. Овцы забеспокоились в своём загоне, их блеяние вплелось в общую какофонию, создав совершенно непереносимую мешанину звуков.

– Бедная Латоя, – вздохнула Молли, – невезучая она... И охрана, как на зло, где-то ходит. Ты не знаешь, как зовут этого...

– Похоже, что Гарван, но я не уверен.

Послышалась трель, издаваемая свистком, затем отдалённые голоса, шум. Молли встрепенулась, прислушалась:

– Кажется, наши подросли. Вовремя. Сейчас они этим похотливым баранам кожаные мешочки прищепят, чтобы неповадно было. Словно в ответ на её слова, раздался тоскливый стон, затем ещё один.

– Ну, вот и заслуженная награда! – Она засмеялась, легонько толкнула Вистана локтем в бок и строгим голосом спросила: – В чём дело, сэр? Почему вы такой квёлый и не резвый?

– Расскажи о своей семье.

– А что рассказывать? Всё, как обычно...

– Ну, это для тебя обычно. Родителей твоих как зовут?

– Маму зовут Гарраят, отца звали Камден. Он был не старый, всего пятьдесят три года прожил. Раны были тяжёлые, да и, – Вистан замялся и неохотно продолжил, – лечил он их.

– Сам лечил свои раны? – Удивилась Молли. – У ветеранов свой доктор, не считая тех, кто при Родильном Доме.

– Это он так называл, «лечить». Его почти сразу, ещё до моего рождения, определили заниматься перегонкой вина. Так что, дома у нас это пойло всегда было. Доктора не смогли найти для него другого снадобья, чтобы унять ноющие раны. Вот он и пил, чтобы не скрипеть зубами от боли по ночам, а потом без этого уже и не мог.

– Грустная история... Он что-нибудь рассказывал о Пещерах, или о стране по ту сторону гор?

– Немного. – Вистан горько усмехнулся. – В тот небольшой промежуток времени, когда боль уже стихала, но он ещё мог соображать. Про Пещеры рассказывать не любил, говорил, что ему до смерти надоели эти каменные кишки. А вот про земли, где живут святоши, вспоминал часто. Говорил, что там просторно, бескрайние поля и луга. Никому и в голову не придёт таскать мешками землю на скалы, чтобы устраивать там пастбища. Люди живут семьями, в сёлах и городах.

– Я немного слышала о городе, правда, не поняла, чем же они там занимаются, если землю не обрабатывают и скот не пасут.

– В городе всё по-другому. – Вистан ненадолго замолчал, вспоминая рассказы отца, и добавил. – Там живут начальники, воины и торговцы.

Молли приподняла руку со сжатым кулаком, разогнула большой палец, потом указательный, несколько раз постучала по ладони кончиком среднего и спросила:

– А что делают торговцы?

Вистан поморщился, потёр лоб и неохотно ответил:

– Отец пытался мне растолковать, но не слишком понятно. Они вроде бы меняют продукты на товары...

– Так и у нас так же. Принесут в склад шерсть или мясо, поменяют на посуду или, скажем, ткани.

– А у них не так. Вот мы как определяем, сколько дадут ткани за меру шерсти?

– Никак. Кладовщик сам знает.

– Вот! – Вистан расплылся в улыбке и поднял вверх указательный палец. Обладать недоступным другим знанием было приятно, тем более, что пытаясь объяснить, он сам теперь понял то, что ускользало от него раньше. – Они не ходят за посудой с тюком шерсти. Святоши меняют товары на маленькие лепёшки из серебра – монеты. Если у тебя есть монеты, можешь выбрать себе любую вещь.

Молли задумалась.

– Им принадлежит огромный мир, а мы живём в тесной долине посреди гор, как в каменном мешке. У них люди обзаводятся семьями, а мы... – она вздохнула, – тебя утром отправят в Пещеры, а мне остаётся надеяться, что ребёночка... ну когда он родится, признают здоровым и оставят в живых. Ты никогда не задумывался, почему так устроена наша жизнь?

– Я как-то спрашивал отца, зачем нужно девятнадцатилетним парням покидать долину. Он сказал, что для молодёжи здесь слишком тепло и безопасно.

– Ещё бы. Если все останутся, заживут в своё удовольствие, станут создавать семьи, то совсем скоро в долине не останется места не только для домов, но и для посевов. Я иногда думаю о нашей жизни... В чём причина вражды между нами, горцами, и святошами? Неужели в их огромном мире не нашлось бы места для нашего народа? Ещё немного и мы начнём вымирать. У тех, кто пробыл, хотя бы лет пять в Пещерах, очень редко рождаются нормальные дети. Говорят, что и от вас, молодых, с каждым десятилетием, толку всё меньше и меньше. А, может быть, святоши не зря поклоняются своим богам? Может быть это правда, и боги действительно существуют, и помогают тем, кто в них верит?

Вистан пожал плечами:

– Они, вроде бы, молятся главной матери и какому-то отцу.

– Знаешь, люди, поклоняющиеся женщине-матери, не могут быть плохими...

– Так ты хочешь сбежать отсюда? Куда? К святошам?

– Нет... Конечно же нет. Знаешь, Вистан, я хотела бы дождаться, когда ты вернешься. Может быть... – она шумно прерывисто задышала, – ты меня снова захочешь увидеть. Ты всего на четыре года моложе и, надеюсь, к тому времени я не превращусь в старуху.

Отец недаром обозвал пещерное поселение «каменными кишками». Извилистый тесный проход, по которому друг за другом шли три десятка молодых долинников как нельзя кстати подходил под это определение. Солнечный свет и чистый горный воздух остались далеко позади. Им на смену пришел закопченный факелами низкий каменный свод, хлюпающие под ногами лужицы и запах старого плохо проветриваемого подвала.

Смех и шутки, которыми подбадривала себя молодёжь, потихоньку сошли на нет, и боевой задор, по мере того, как отряд продвигался вглубь горы, напрочь испарился даже у самых храбрых.

– Чего замолкли, девочки? – Издевательски осведомился шедший впереди пожилой пещерник. – Это вам не с родильницами кувыркаться. Привыкайте к жизни настоящих мужчин. Скоро научитесь видеть в темноте, тогда и глаза на ночь можно не закрывать! – Видимо очень довольный своей остротой, он разразился противным булькающим смехом.

Вистан двигался в середине колонны, неся перед собой странного вида факел, больше похожий на большую изогнутую ложку, в которой лежал комок зеленоватой слизистой массы,

горевшей не очень ярким, но стабильным пламенем. Раздававший факелы пещерник каждого напутствовал кратким инструктажем:

– Руки только туда не суй.

– Мы, дядя, костёр-то видали! – Хохотнул кто-то, на что пещерник, не меняя интонации, сообщил:

– Так я и не про пламя.

Шедший впереди Лейн оступился, и Вистан чуть не поджарил ему спину, едва успев отдернуть руку. Факел скользнул по влажной стенке и огонь, облизав мокрый камень, зашипел. Лейн обернулся и стал бормотать неразборчивые извинения. Пришлось толкнуть его в спину, так как сзади напирала идущие следом. Нескладного парня, Вистану сегодня уже приходилось выручать на площадке сбора, перед входом в Пещеры. Несколько сироток, а именно так обычно называли воспитанников пансиона, перекидывались по кругу, впрочем, без особого азарта, чьим-то заплечным мешком. Хозяин вещей – долговязый худой долининик, пытался снова завладеть своим имуществом, надеясь, что длинные конечности помогут ему в этом деле. Он неловко топтался на месте, размахивал руками, угрюмо сопел, но молчал, хотя парни настойчиво рекомендовали ему:

– Ну-ка, попроси нас по-хорошему, Лейн! Вежливо-вежливо!

Один из них бросил мешок подошедшему Вистану. От неожиданности он отпрянул, но поймал и, в следующее мгновение, встретился взглядом с долговязым, до которого было ярда три, не больше. Лейн, похоже не собирался и его умолять, но что-то в лице державшего мешок парня, заставило его разлепить стиснутые губы, и Вистан, скорее угадал, чем услышал:

– Пожалуйста...

Мешок вернулся владельцу, под негодующие крики лишившихся игрушки сироток. Кто-то, было, попытался призвать к ответу нагло прервавшего игру незнакомца, схватив за плечо, с явным намерением оказаться с ним лицом к лицу. Вистан кивком показал долговязому, чтобы тот уходил, не оборачиваясь, схватил пытавшуюся его остановить руку, и немного сжал. Натренированные верёвкой, мешками с землёй и овцами пальцы заставили сиротку взвыть и рухнуть на колени. Больше желающих потягаться силой не нашлось, но парни решили оставить последнее слово за собой, выкрикнув вслед несколько непристойных ругательств.

Лейн ждал его чуть поодаль, крепко прижимая к груди свой заплечный мешок.

– Спасибо, – сказал он, сунув для рукопожатия узкую, почти женскую ладошку. – Лишил ты балбесов лакомства.

– Какого лакомства?

– С пасеки. У нас с отцом пасека на северном склоне. Он мне собрал в дорогу разных вкусок, а кто-то из этих, то ли знал, то ли сам учуял, и давай клянчить. Ну, я мешок снял, хотел угостить, а они всё забрали, да ещё и придуриваться начали.

– Понятно. А кроме тебя, есть ещё кто-нибудь из домашних?

– Тай. – Он такой же сильный, как и ты. – С гордостью сказал Лейн и, с надеждой, добавил: – Вот бы нам держаться вместе.

– Неплохая идея, только где он?

– Пещерник, не знаю зачем, отправил нескольких парней, и его в том числе, вниз в долину. Когда вернётся, я вас познакомлю.

«Каменная кишка» заметно расширилась, пол постепенно выравнился. Шагов через тридцать в проходе стало светлее – стали попадаться закреплённые на стене факела.

– Шевелитесь, ягнята! Уже новым домом запахло!

Булькающий смех ещё не успел затихнуть, как послышались негодующие вопли:

– Эй, дед, ты нас в выгребной яме решил поселить?

– Парни, зажимайте носы!

– Ну и вонь!

Волна удушливого запаха прокатилась по колонне, заставив многих закашляться. Лейн обернулся, его искажённое гримасой отвращения лицо изменилось до неузнаваемости. Вистан понимающе кивнул, свободной рукой закрыл себе рот и нос, прикидывая, сколько он сможет пройти без дыхания. Его внимание привлёк один из сопровождающих, тот, кто ещё недавно раздавал факела, а теперь двигался чуть в стороне от основной массы людей. Пещерник даже не поморщился, только длинно и смачно сплюнул, пробурчав, ни к кому особенно не обращаясь:

– Здесь канализация пересекается с коллектором из разделочного цеха. Привыкните...

Долинники, не сговариваясь, прибавили шаг и, вскоре оставили неприятный участок пути позади. Всё чаще стали попадаться поперечные галереи – проходы разной ширины и разной же степени освещённости. Одни обозначались только парой дежурных факелов на перекрёстках, в других, света было столько, что рябило в глазах, уже успевших привыкнуть к полумраку.

– Всем стоять! – Скомандовал обладатель булькающего смеха. – Перестроение! У кого в руке факел – шаг вправо! Хорошо! За каждым из вас идёт по пять человек! Внимание! Факельщики ведут вперёд свои пятёрки и становятся в ряд, по правую руку от меня! Всем понятно? – Ответить никто не успел, но пещерник тут же продолжил. – Тогда, вперёд!

Через некоторое время, ушедшее, большей частью, на выяснение своего места в строю, колонна по одному превратилась в колонну по пять. Лейн остался позади и, вскоре его громкий шёпот:

– Тай! Вистан! Вы где? – стал перекрывать галдёж, немедленно возникший после того, как стало возможным пообщаться не только с затылком идущего впереди друга.

Сопровождающий двинул колонну вперёд и, буквально, через пару десятков шагов, они вошли в просторную пещеру, ярко освещённую пламенем, горевшим в больших каменных чашах, расставленных вдоль стен. В центре зала, на сложенном из камней возвышении стояло три человека.

– Гляди, какой дядька откормленный, – не преминул съязвить один из сироток, – хотел бы я на эту должность.

– Чтобы такое пузо наест, надо по целой овце уминать, да спать подольше, – тут же подхватил другой, – а вот, чтобы твой впалый живот салом затянуло, надо вообще не шевелиться.

– Заканчивайте про еду болтать! Сил никаких нет...

– Рёбрышки молодого барашка под острым соусом, – дурашливо загнусавил кто-то, – жир так и кап... – Глухой звук удара прервал фразу, вызвав несколько злорадных смешков.

– Парни, я знаю, почему он так отъелся. Видно всё отбирал у того, что справа. Помните, как

Бастер два года назад у малышни булки тырил!

– Копыто тебе в глотку! Кому ещё в лоб зарядить, чтоб заткнулся?

– Эй, Гарван! Если кулаки чешутся, иди вон тому пещернику на мозоль наступи. Из этих троих, он один тебе под стать.

– Да я сейчас за кусок бараньей ляжки любого порву!

Дождавшись, когда колонна остановится, один из стоявших на возвышении – дородный мужчина с хорошо заметным брюшком – вышел вперёд, откашлялся и обратился к прибывшим:

– Приветствую, от имени всех обитателей Пещер! Ещё утром вы были жителями Долины, а сейчас становитесь полноправными членами племени горцев – смелых и непобедимых борцов с гнусными лицемерами, стремящимися стереть с лица земли наш гордый народ! Отныне вам предстоит вписать своё имя в летопись славных деяний и стать наравне с героями, снискавшими неуязвимость в веках славу! В распоряжение командира бойцов – Эдгара – посту-

пают три полудюжины, всего восемнадцать человек. – При этих словах вперёд вышел рослый, крепко сложенный детина. Спрыгнув с возвышения, махнул рукой, подзывая к себе. – Остальные – под командование Килиана, – он указал на невысокого роста сгорбленного мужичка – нашего лучшего добытчика. И, помните! Мы – горцы! Мы – победим!

– Охотники! – Хриплым голосом прокричал Килиан – За мной!

Кто-то из записанных в добытчики сироток, оглядев неказистого командира, поморщился, с завистью посмотрел на Эдгара и, сплюнув, ядовито отметил:

– Не повезло с начальством. Какая уж тут неувядаемая слава...

Вистан в числе восемнадцати уже двигался в сторону командира бойцов, когда почувствовал, как кто-то ухватил его сзади за левую руку.

– Ты, и ты... Нет, не ты, а рядом, справа. Да. – Послышался за спиной голос сопровождающего. – Вас забирает себе Харди. Отойдите в сторону, не мешайте остальным.

– Да мы опять вместе! Тай, познакомься, это Вистан – мой друг!

Коренастый, угрюмого вида парень, заросший по самые глаза густой щетиной, протянул широкую мозолистую ладонь. Вистан пожал ему руку, и хотел, было, высвободить свою, но почувствовал, как пальцы Тая сжимаются сильнее. Он спокойно принял вызов и, в свою очередь сжал руку. Тай приподнял одну бровь, придав своему мрачному лицу забавное выражение, искоса посмотрел на соперника и увеличил давление. Ладонь стиснуло так, что хрустнули суставы, но сдаваться Вистан не собирался, вложив в рукопожатие всё, что мог. По лицу соперника было заметно, что он до предела ещё далёк, но давление неожиданно исчезло, Тай улыбнулся и сказал:

– Спасибо, что заступился за Лейна, друг. Он иногда любит приукрасить, поэтому мне самому захотелось проверить, твои возможности.

– И на что я, по-твоему, гожусь? – разминая руку и, стараясь не скривиться, спросил Вистан.

– Ты сильный и терпеливый. Отец говорил, что таким можно доверить свою жизнь в бою.

– Чтобы победить, мало быть сильным и терпеливым. – Раздался чей-то голос.

Увлечённые состязанием, они не заметили, что рядом, буквально в каких-то трёх шагах, стоит и с интересом разглядывает их, мужчина в фермерской одежде. В первый момент показалось, что это один из прибывших вместе с ними сироток, но незнакомец выглядел гораздо старше.

– Меня зовут Харди. Я ваш инструктор и, на первых порах, командир боевой группы. К сожалению, вас только трое, поэтому, четвёртым возьмём кого-нибудь из наших, местных.

– Здорово, ублюдки! – Раздалось под сводами пещеры. Так Эдгар поприветствовал прибывших. Сиротки почуяли в командире зверя одной с ними крови и одобрительно заржали.

– Надеюсь, сэр, вы не станете обращаться к нам подобным образом? – Спросил Тай и, для убедительности кивнул в сторону новоиспечённых бойцов.

Харди пожал плечами и равнодушно ответил:

– А если стану? Ты возражишь мне?

– Боюсь, что мне придётся ударить вас, сэр, – с этими словами Тай ринулся вперёд, и через мгновение его кулак летел в голову инструктора с такой скоростью, что остальным послышался свист рассекаемого рукой воздуха.

Харди не стал дожидаться падающей ему на голову скалы. Слегка качнувшись в сторону, он легко уклонился от удара, сделал шаг в сторону, перехватил бьющую руку Тая, сделал шаг в другую сторону, а нападавший, пролетев несколько ярдов в беспорядочном падении, рухнул на каменный пол пещеры. Лейн рванулся на подмогу к упавшему товарищу, но Тай поднялся сразу, пару раз тряхнул головой и бросился в новую атаку. На сей раз, он видимо учёл свою прошлую ошибку, поэтому только сделал вид, что будет бить правой рукой с разбега, а сам резко остановился перед инструктором и коротко, без замаха, врезал ему под дых. Но Харди оказался

проворным и гибким, как виноградная лоза, оплетающая вбитый в землю кол. Инструктор каким-то чудом сумел избежать удара, его руки переплелись с руками Тая, одна нога охватила ногу соперника. Харди крутнулся на другой ноге и оба рухнули на пол, причём Тай оказался лицом вниз со скрученными за спиной руками.

– Ты храбрый парень и можешь соображать быстро. На самом деле, я нисколько не хотел оскорбить твоих почтенных родителей и приношу извинения, если дал повод истолковать мои слова подобным образом. – Он поднялся на ноги и протянул руку, помогая встать парню.

– Прошу простить меня за излишнюю горячность, сэр. Я так понимаю, что вы решили проверить, чего я стою в драке?

– Тебе не откажешь в проницательности.

– Вы, конечно, оказались сильнее... – Тай вздохнул и потёр ушибленное плечо.

– Тут ты не прав. – Харди засмеялся и похлопал парня по другому плечу. – Если бы я согласился на обмен ударами, то лежал бы уже со сломанным носом и выплёвывал бы остатки зубов. Но, дело в том, что я кое-что умею и намерен научить этому вас. Чтобы вы трое стали не только сильными и терпеливыми, но также сообразительными и умелыми.

Под жильё им отвели небольшую пещеру, которую Харди обозвал «кельей отшельников». Располагалась она где-то в стороне и, судя по тому, как они долго шли под уклон, гораздо ниже основных помещений. Самое удивительное было то, что келья имела естественное освещение. Пещерка вмещала четыре ниши, использующихся как спальных места и небольшой стол в центре, почти напротив расселины в потолке. Через неё внутрь лился солнечный свет, по которому парни уже успели соскучиться. Помещение было обжитым, но похоже, пустовало уже давно. Никаких следов прежних обитателей не обнаружилось, лишь на одном из углов столешницы, кем-то был вырезан странный узор из, ямок, извилистых пересекающихся линий и канавок.

Вистан осторожно потрогал край плоского, чем-то неравномерно наполненного, прямоугольного мешка из серой грубой ткани, на котором ему предстояло спать. Под голову, похоже, предполагалось класть другой мешок, гораздо меньше, но и значительно объёмнее. Рука ощутила пружинящую набивку, зашелестевшую очень знакомо, сразу напомнив о родной долине. Он несколько раз надавил на ткань, и, вслушавшись в раздававшийся при этом звук, ещё не вполне понимая, как такое может произойти, догадался о природе набивки.

– Парни, вы не поверите! – Тай осторожно мял в руках небольшой мешок, пытаясь раздвинуть шов. – Там, внутри, сухая трава!

– Да, ну? – Подошедший Лейн быстро обнаружил дырочку в ткани и вытащил несколько смятых засохших стебельков. – Удивительно беспечные люди эти пещерники. Скосить такое количество медоносов, да ещё не набравших цвета. Не понимаю.

Вистан окинул взглядом постели, представив, сколько овец можно было бы накормить таким количеством неразумно использованного сена и, вдруг его осенило:

– Кажется, я понял. Дело даже не в том, что для пещерников несколько охапок сена не представляют никакого интереса. Дело в нас, вернее, в нашем отношении ко всей этой траве. Дома никому бы и в голову не пришло загубить столько ценного корма, недаром же мы таскаем грунт на каждый мало-мальски ровный скальный уступ, чтобы устроить там пастбище, невзирая, как высоко над землёй оно находится. Но, мы не в долине, и должны привыкать к здешним порядкам. Поэтому, Лейн, прекрати выуживать из мешка несчастные медоносы, и всем нам нужно запомнить, что спать можно не только на шкурах. – В подтверждение своих слов он улёгся на мешок с сеном, вытянулся во весь рост, немного поёрзал, устраиваясь поудобнее и, удовлетворённо хмыкнув, сказал:

– Постель как постель. Шуршит разве что. А так, ничего особенного.

– Неправильно это. Получается, им совершенно наплевать, как долинник может на такое отреагировать... – Лейн осуждающе покачал головой.

– Ты уже не житель долины, друг, и нам всем это ясно дали понять. – Тай забрал у него мешок и бросил на своё место. – Надеюсь, что пчёл пещерники не убивают, чтобы делать из их крылышек кисточки для бритвы. – И, увидев, что Лейн испуганно замахал на него руками, добавил: – Шутка! Нам велено было отдыхать. Поэтому, не переживай, и бери пример с Вистана.

Они проснулись только с приходом инструктора. Харди отбросил полог из выделанной кожи, закрывавший вход, и бодрым голосом произнёс:

– Доброе утро! Как спалось на новом месте?

– Доброе, сэр... – широко зевнув, пробормотал Лейн, – сдаётся, мы уже проспали завтрак. Дома я вставал гораздо раньше.

– И не ты один, – буркнул Тай, – какой-то воздух тут, наверное...

Вистан был не в настроении и, поэтому не стал делать никаких предположений. Сон прервался на самом интересном месте – Молли улыбалась ему ласково и многообещающе. Он явственно представил себе её лицо, но так и не смог вспомнить, какого цвета были глаза.

Харди засмеялся, несколько раз быстро вдохнул, приплюсываясь, приподняв брови, изобразил задумчивость, и сказал:

– Обычный воздух. На нём даже не слишком отразились последствия ужина из тушёных бобов. Но секрет, конечно же, есть. Матрасы на ваших постелях набиты специально подобранными травами. Тем, кому предстоит многому научиться и серьёзно тренироваться, нужен полноценный отдых.

– Матрас. – Лейн кивнул, запоминая новое слово. – Вот как. А это, маленький матрас под голову?

– Нет, под голову кладётся подушка. В долине такие слова не в ходу. Поднимайтесь, после завтрака первое занятие. Энни! – Он обернулся в сторону выхода. – Заноси!

В пещеру вошла девушка с корзиной, накрытой сложенным в несколько раз куском полотна, оказавшимся в итоге скатертью, которой она застелила стол. Запахло свежеспечённым хлебом, мясной подливой и всё теми же бобами. Девушка сервировала стол, украдкой стреляя глазками в сторону парней. Больше всех взглядов досталось Таю, которого, кстати, гораздо сильнее интересовала еда, нежели Энни. Убедившись, что объектом его внимания она не является, девушка поджала губы, демонстративно повернулась спиной, перекрыв Таю обзор стола, и некоторое время выбирала между остальными обитателями кельи отшельников. Рассеянный вид, всё ещё вспоминавшего свой сон Вистана, её не впечатлил, а Лейн явно проигрывал обоим, но, как известно, половина буханки лучше, чем совсем без хлеба.

Долговязый пасечник заметил интерес к своей персоне, смущённо улыбнулся и, получив в ответ мощнейший заряд женского кокетства, тут же растаял. Спустя какое-то мгновение, он, к полному изумлению девушки, бросился к своим вещам и принялся рыться в заплечном мешке, выудив оттуда изрядный кусок медовых сот. Несмело вручив лакомство Энни, Лейн отступил на шаг назад, сцепил за спиной пальцы рук, словно опасался, что его подношение не примут, и несколько раз мелко кивнул головой, наверное, не совсем понимая, как вести себя дальше. Девушка восхищённо посмотрела на царский подарок от совершенно незнакомого парня, и впервые за утро, совершенно искренне улыбнулась.

Звуки расставляемых горшочков и тарелок, сопровождавшие эту сцену прекратились, что, похоже, привлекло внимание инструктора, который всё это время провёл в созерцании кусочка неба, видимого через расселину на потолке.

– Ого! А ты успела очаровать моих ребят. Да и аванс уже получила. Всё! Хватит вертеть здесь хвостом, за посудой придёшь часа через два.



Харди, не стал делить трапезу со своей боевой группой, лишь налил себе бодрящего травяного настоя. Усмехнувшись на то, как Лейн недоверчиво принохивается к чашке с ароматной жидкостью, он негромко спросил:

– Травки-то незнакомые, а?

Тот в ответ кивнул, но пробовать не стал.

– Пей, не бойся. Много чего растёт за пределами долины. И в этом вам ещё предстоит убедиться.

– Мы будем собирать растения в стране святош? – С оттенком презрения спросил Тай.

– Вы, прежде всего, будете выполнять поставленные задачи. А каков их характер – решает начальство.

– ...в стране святош? – медленно, почти по слогам, повторил Тай.

– Да. – Инструктор невозмутимо отхлебнул из своей чашки. – Вам предстоит стать передовым отрядом на вражеской территории. Основные функции: разведка, контакт с местным населением, налаживание взаимовыгодных контактов.

– Какие же могут быть контакты с врагом? – Неодобрительно покачал головой Вистан.

– Наверное, ты хотел добавить – кроме как во время боя? – Получив в ответ утвердительный кивок, Харди продолжил: – Будущий разведчик должен усвоить, что не все святоши являются нашими врагами. Среди них хватает людей, которым вообще безразлично, существуем мы или нет. Некоторые вполне лояльно относятся к нам и не прочь обменяться товарами или информацией. Каждый из вас должен знать, с кем дружить, кого опасаться, а от кого бежать.

Да, Тай, именно бежать, и не нужно кривить губы. Если тебе нужны героические подвиги, ещё не поздно примкнуть к команде Эдгара и гордо погибнуть в очередной безумной атаке при попытке захватить какой-нибудь пограничный форт.

– Они все погибнут? – Хрипло выдавил из себя Лейн, поперхнувшийся травяным настоем, который он всё же рискнул попробовать.

Харди неопределенно хмыкнул:

– Треть, из числа самых бесшабашных, погибнет сразу, ещё треть в течение первого года. Останутся только те, кто не корчил из себя героев и хорошо слушал наставления командира. Такие и составляют костяк нашей армии.

– А нам вы тоже будущее предскажете? – Мрачно осведомился Вистан.

Инструктор ответил не сразу. Несколько мгновений он внимательно смотрел на каждого из членов боевой разведывательной группы и, наконец, ответил:

– Нет смысла скрывать, что разведчики тоже гибнут. В основном, по собственной глупости. Хуже другое, у врагов к ним повышенный интерес. Уничтожат разведчиков – значит горцы лишатся глаз и ушей. А если живём захватят – могут разжиться ценными сведениями.

– А если не скажем? – с вызовом спросил Тай.

– Это, конечно, хорошо, – с сомнением протянул Харди, – но одно дело попасться в руки разъярённого крестьянина, которого ты обсчитал при прошлой сделке, и другое дело – оказаться в застенках герцогской гвардии, где-нибудь в Остгрэнце.

– И часто... туда... – Лейн не стал уточнять, но этого и не требовалось, все и так поняли.

– Бывает. Но, это как раз те, кто по глупости. Если, кем-то настолько заинтересовались святоши, значит, он обнаружил свою принадлежность не только к горцам, но и к разведке. Такое случается в результате грубейших ошибок, которые надеюсь, вы никогда не допустите.

– А сколько вообще разведчиков, мы же не единственная группа? – Поинтересовался Вистан.

– Есть одна очень хорошая поговорка, – улыбнулся инструктор, – «меньше знаешь – крепче спишь». Понятно?

– Вполне. Нельзя выдать то, чего не знаешь.

– Можно и совсем ничего не выдавать. Не знаю, мол, и точка. – Рубанул ребром ладони по столу Тай.

– Там вопросы задают неглупые и очень настойчивые люди. Даже вот в эту самую минуту ты уже обладаешь информацией, которая им может пригодиться.

– И что же я такого знаю? – Добавив голосу дурашливости, полюбопытствовал Тай. – Количество прибывших сироток? Или то, что на кухне нескончаемые запасы бобов?

– Всё гораздо проще. Ты знаешь в лицо и по именам остальных разведчиков, составляющих твою боевую группу. Это уже много. А скоро узнаешь потайные входы и выходы из пещер. Тай посерьёзней, нахмурился и уже другим голосом произнёс:

– Простите, сэр. Вы правы.

– При знакомстве, вы упомянули, что нас будет четверо, – напомнил Лейн.

– Да. Как правило, разведчики работают парами. Две пары составляют обычную группу. Кстати, знаете, почему выбрали именно вас, а не кого-нибудь из сироток? – Все трое дружно помотали головами из стороны в сторону, и Харди продолжил: – Разведчикам, чаще всего, приходится общаться с сельскими жителями. Вам, выросшим в фермерских семьях, гораздо проще находить общий язык с крестьянами, к тому же, речь домашних гораздо меньше замусорена жаргоном. Четвёртым в группе будет Аррин, родившийся и выросший в пещерах и уже знающий многое из того, чему вам ещё предстоит научиться. Он присоединится к нам позже.

Думаю, завтрак пора заканчивать. Сегодня у нас занятие по технике перемещения по скальным коридорам и колодцам, а также по преодолению препятствий.

Пошатываясь, Лейн с трудом добрался до своей кровати и ничком рухнул на источающий тонкий аромат душистых трав матрас.

– Знали бы вы, мои пчёлоньки, как болят мои рученьки, а уж про ноженьки я и вспоминать не хочу.

– Что же ты летать у них не научился? – Съехидничал Тай. – Меньше было бы проблем с преодолением колодцев.

– Как будто ты всю жизнь по этим... как Вистан ты говорил? Вспомнил – по каменным кишкам ползал.

– Уж я по скалам ползил столько, что тебе и не снилось.

– Ну, не хватало ещё такому присниться! А вот твоё лицо, в тот момент, когда ты застрял в коридоре, я надо-о-олго запомню.

– Ничего себе коридор! Вистан, ты сам видел эту щель в скале, чуть шире овечьего хвоста. Это даже не кишка, а глотка получается. Края неровные и острые, будто зубы.

– А я тебе скажу, почему ты застрял, – Лейн скорчил страдальческую гримасу, но переместил свои рученьки и ноженьки так, чтобы сесть, – не надо было надо мной насмехаться.

– Ну, уж так-то я не злорадствовал! – Возмутился Тай, которого ничуть не утомили занятия. – Ты, наверное, у пчёлонек своих научился.

– Остыньте, парни! – Вистан понял, что пришла пора вмешаться, потому что словесная перепалка, начавшаяся, как дружеское подтрунивание, рисковала перерасти в настоящую ссору. – Сегодня было трудно. А если мы себе сами начнём жизнь осложнять – станет ещё труднее. Инструктор специально не разрешил нам помогать друг другу, чтобы впредь не рассчитывали на постороннюю помощь, но это не значит, что каждый должен отказывать товарищам в сочувствии и дружеской поддержке.

– Ты прав, изви... – Лейн попытался поудобнее сесть, но страдальчески скривился и резко дёрнул неестественно вытянутой правой ногой.

– Кажется, судорога. – Тай поднялся со своего места, склонился над товарищем. – Сейчас помогу. Так лучше?

Лейн кивнул, посмотрел виновато, и уже было открыл рот:

– Я...

– Помолчи. Знаю, что ты хочешь сказать. Я тоже вёл себя отвратительно. Мир? – Тай улыбнулся и протянул здоровенную пятерню.

– Мир... – Лейн принялся. – Кажется, ужин несут.

– Бобы? – В один голос вскричали остальные обитатели кельи отшельников.

– Не-а. Их не чую.

– Знаем-знаем, кого ты там учуял, – весело прищурился Тай. – Давай-ка, прими мужественную позу покорителя скальных колодцев. Девушки любят героев.

– У меня даже просто улыбаться, никаких сил не осталось.

– Это дело поправимое. Вистан, заходи с другой стороны. Прижми палец к углу его рта. По моей команде двигаешь вверх и к себе.

Завеса дрогнула и откинулась в сторону. Парни, по обе стороны от Лейна, приняли строгое выражение лица, их указательные пальцы слегка разошлись в стороны, растянув губы на его лице в некое подобие улыбки, способной, скорее напугать, чем позабавить.

– Очень мило, – проговорил вошедший в келью Харди, – мне ещё никто так не радовался, особенно после первого занятия.

– Признаться, мы не совсем вас ждали, сэр, – давась от смеха, проговорил Вистан.

– Да я уж понял. Вот только бедняжка Энни вряд ли в состоянии нести всё, что вы сейчас способны проглотить. У меня тут пара корзин – хватайте, пока не остыло. Вы, я вижу, неплохо ладите друг с другом. Это хорошо. А то бывало, что и дрались между собой в некоторых группах.

– Это не про нас, – с набитым ртом сообщил Тай.

Тренировки делали своё дело. Месяца через три Лейну уже не на что было жаловаться пчёлонькам – его мышцы окрепли, а подъём и спуск по скальным колодцам становился привычным делом. Тай, похоже, совершил невозможное – нашёл скрытые резервы ловкости в своём, не слишком склонном к гибкости теле. Он больше не застревал, умудряясь протискиваться в такие щели между камнями, куда раньше и не подумал бы сунуться. На фоне стремительно прогрессирующих друзей, Вистан выглядел бледно, несмотря на ровные показатели по всем видам подготовки.

К тому же, его занимали совсем другие мысли. Молли, так внезапно и ненадолго вошедшая в его жизнь, никак не хотела оставаться где-то в далёком уже прошлом, где была и согретая солнцем долина, и родной дом, в котором мама по утрам готовила восхитительные блинчики с джемом, и последняя ночь на пастбище. Он постепенно привык к тому, что воспоминания о Молли стали неотъемлемой частью его повседневного существования. Ему уже начало казаться, что она незримо присутствует рядом, радуясь его успехам, огорчаясь досадным неудачам и помогая настроиться во время очередного испытания. Однажды ему почудилось, что он слышит у себя в голове её голос, ласково называвший его по имени.

«Молли, – замирая от счастья, позвал он. – Ты меня слышишь?».

«Да, Вистан, – ответила она. – Я очень по тебе тоскую».

Его товарищи по боевой разведывательной группе тоже скучали по дому, но на недостаток общения с реальными подружками не жаловались. Первопроходцем стал Тай, познакомившийся с хорошенькой ассистенткой медика, после особенно неудачного прохождения скального коридора. Потом были официантки, поварихи и кто-то из швейной мастерской. Харди только усмехнулся, узнав, о похождениях одного из своих курсантов, и назвал эту последовательность «вполне обычной для новичка».

Лейн умудрился скормить Энни все свои запасы медовых сот, но хитрая девушка, ни разу на свидание так и не явилась. На её скромном примере бывший пасечник познал коварство женской натуры и понял, что подарки не самый надёжный путь к девичьему сердцу.

К немалому удивлению друзей, он быстро преодолел свою природную застенчивость, научившись покорять представительниц противоположного пола при помощи изысканных комплиментов, большинство из которых, так или иначе были связаны с пчёлами и цветами. Эта его особенность искренне восхищала Тая – не слишком большого мастера говорить красивые слова. Однажды он попробовал назвать свою очередную пассию пчелой, но, видимо сделал это не очень подходящим тоном, или в не слишком подходящий момент, потому что девушка обиделась и поблагодарила ухажёра за то, что он не сравнил её с овцой, или ещё с кем похуже.

Любовные похождения Лейна, инструктор не одобрял, пеняя ему на слишком явную несобранность во время занятий и ставил в пример Вистана – «не гоняющегося за каждой юбкой и серьёзно подходящего к обучению». Но узнав, что самый стабильный его ученик совсем девушками не интересуется, Харди насторожился.

В один из дней, понаблюдать за тренировкой боевой разведывательной группы пришёл тот самый упитанный дядька, что встречал прибывших из долины парней. Рассеянно поглазев на занимающихся преодолением препятствий курсантов, он о чём-то коротко переговорил с Харди и отправился в пещеру, служившую в тренировочном лагере комнатой отдыха. Парней, по очереди, стали вызывать для разговора. Тай пошёл первым. Вернулся он быстро, усмехаясь на ходу каким-то своим мыслям. Лейн тоже долго не задержался, но возвратился нахмуренным и недовольным. Вистану не дали закончить упражнение, инструктор подал сигнал к окончанию и подозвал курсанта к себе.

– Вот что. Сегодня нас инспектирует Координатор. Он уже лестно отозвался об уровне подготовки группы и решил лично с вами пообщаться. Тебе могут быть заданы самые разные вопросы. Отвечай чётко и ясно. Если потребуются подробный ответ, инспектор сам об этом скажет. Координатор лично утверждает составы боевых разведывательных групп, поэтому, постарайся произвести на него должное впечатление. Твоим друзьям это удалось.

Вистан неопределённо пожал плечами и отправился в комнату отдыха. Координатор занял самое удобное кресло, на которое всегда любил плюхнуться Тай, ну, в тех случаях, когда рядом не было Харди. Молли с утра была не в духе и не слишком торопилась общаться. Вот и сейчас, заглянув в тот уголок своего сознания, где отныне поселилась его дорогая подруга, Вистан обнаружил, что она никак не отреагировала на предложение «вместе посмеяться над забавным дядькой».

Координатор писал что-то на покрытой воском дощечке. Заслышав шаги, он отложил её в сторону и приветливо улыбнулся.

«Скользкий тип, – раздался в голове Вистана голос Молли, – не нравится мне он».

Парень просиял и широко улыбнулся во весь рот. Со стороны могло показаться, что он без ума от счастья, которое доставила ему встреча с инспектором.

«Молли! Где ты была? Мы так давно не разговаривали. Я уже заждался».

– Прости, сынок, я не понял. Чего ты заждался?

Он удивлённо посмотрел на толстого дядьку, развалившегося в любимом кресле Тая, и зачем-то задавшего глупый вопрос:

– Сэр, я ничего не говорил. «Вам, во всяком случае», – добавил он про себя.

– Но я сам слышал, как ты сказал «я уже заждался», – не совсем уверенно произнёс Координатор.

– Нет, сэр, это исключено... «Он тебе не доверяет, – сказала Молли, – успокой его как-нибудь» Я... собирался поздороваться, но закашлялся, вот и показалось вам.

– Да-да, наверное. – Инспектор взял дощечку и принялся писать. – А, скажи, э...э...

– Вистан, сэр.

– Спасибо, сынок... Надеюсь, ты позволишь себя так называть? Вы все мне, как дети.

– Разумеется, сэр. Это честь для меня.

Координатор вскинул брови, оторвался от письма и внимательно посмотрел на стоящего перед ним курсанта.

«Молли, он ничуть не опасен, просто скучный дядька. Я ошибся, посчитав его забавным».

«Противный, какой-то. Сыном назвал, а смотрит неласково. Разве тебе нужен такой отец?»

– А, скажи, Вистан, тебе хотелось бы вернуться домой, в Долину?

– Домой?! – Он чуть не задохнулся от счастья. Это был предел мечтаний. «Вырваться из каменных кишков, глотнуть чистого горного воздуха, встретить рассвет в своём любимом гроте вместе с...».

«Опомнись, он тебе лжёт. Никого не отпускают обратно просто так».

«Может, это мой шанс! Я снова увижу мать и...»

«Нельзя ему верить! Это ловушка. Ты хочешь навсегда меня потерять?»

«Не сердись. Нет, конечно же, нет. Что мне ему ответить?»

«Похоже, ты всё-таки решил от меня избавиться».

«Нет! Молли! Нет! Я не смогу без тебя! Что мне ему сказать?!»

«Придумай! Я на тебя обижена! В наказание, не буду с тобой разговаривать две недели».

«Да, я виноват, прости! Любое наказание, только не покидай меня навсегда!»

– Я опять не расслышал. Что ты сейчас сказал?

– Мой долг, служить своему народу, сэр! В долину я смогу вернуться только после того, как перестану приносить пользу здесь.

– Это достойный ответ. – Координатор, кряхтя, поднялся с кресла, оказавшись на целую голову ниже курсанта. – Ты свободен. Скажи своему инструктору, что я доволен твоими успехами. Вы трое достойны быть разведчиками.

– Спасибо за доверие, сэр! – Вистан отправился сообщать товарищам радостное известие, а Координатор задумчиво перечитал написанное, подвёл черту и, крупными буквами написал: БРГ – у №74. КУРСАНТ ВИСТАН. ОДЕРЖИМОСТЬ. 3-я СТАДИЯ.

И сбоку добавил в скобках: (Молли).

– Восьмой случай за три года, – пробормотал он, убедившись, что парень покинул комнату отдыха, – а среди разведчиков первый. Появился шанс прояснить ситуацию.

На следующее утро, Харди появился в сопровождении шуплого, немного сутулого подростка, не без усилий, тащившего полную корзину еды к завтраку.

– Знакомьтесь, это тот самый местный паренёк, который дополнит вашу группу. Зовут его Аррин, для друзей – просто Ари.

Вернувшийся только под утро Тай, кое-как открыл один глаз и, разглядев нового боевого товарища, протянул:

– Неужели, сэр, дела настолько плохи, что вы берёте на такую работу детей?

Лейн засмеялся и, подражая голосу Координатора, произнёс:

– Добро пожаловать, сынок. Надеюсь, ты позволишь так себя называть?

Вистан был, похоже, единственным, кто заметил, как парнишка отреагировал на такой тёплый приём. Глаза Аррина сузились, впалые щёки вздыбились желваками, но уже через мгновение, он отпустил ручку корзины, не особенно беспокоясь о её содержимом, и небрежно бросил в пространство тонким голосом:

– Жрите свои бобы, переростки.

Тай с Лейном переглянулись и уже изготовились к новому взрыву смеха, когда Харди, неслышанным доселе ледяным тоном, сказал:

– В маленьком теле часто таится великая душа. Кстати, на счету этого «ребёнка» три разведвыхода. И не каких-то там учебных, а что ни на есть, самых настоящих. Так что, по срав-

нению с опытом этого парня, детишками являетесь вы. Кроме того, именно он на первых порах возглавит вашу группу, после того, как она перестанет выходить с инструктором. Да-да, и не смотрите на меня так, будто я отнял любимую игрушку. И, напоследок, сообщу, что Аррин на полгода старше вас. Дети в Пещерах рождаются не слишком часто, и у них нет возможности досыта хлебнуть свежего воздуха и всласть погреться на солнышке. Вопросы есть?

– Нет, сэр. – Ответил за всех Вистан. Он поднял корзину, поставил её на стол и, протянув молодому пещернику руку, сказал: – Они, в целом, хорошие ребята и надёжные товарищи, просто слишком часто считают, что значение имеет только размер.

Прежде чем пожать протянутую руку, Аррин испытующе посмотрел в глаза и, постаравшись, чтобы это прозвучало не слишком по-детски, сказал:

– Несерьёзные люди долго в разведке не живут.

– Ладно, не сердись, – постарался загладить свой промах Тай. – Мы едва проснулись, а тут ты корзину тащишь. Ну, я и подумал, что инструктор решил пошутить.

– Извини, – присоединился Лейн, – мы не хотели тебя обидеть.

Аррин повернулся в его сторону и сказал:

– Ты неплохо изобразил Дерека. И акцента почти нет, – добавил он, обращаясь к Харди.

Инструктор кивнул:

– Ну, вот и напарника долго выбирать не пришлось. Встань-ка рядом с ним, Лейн. Вполне можете сойти за братьев.

– А я за младшего, или... – Лейн осторожно покосился на будущего командира группы.

– За старшего, братишка, – впервые улыбнулся Аррин, – у меня на лбу возраст не написан. Правда, разговаривать со святошами буду, в основном, я. А тебе на первых порах придётся выдавать себя, либо за пьяного, либо за больного.

Лейн скосил глаза и задёргал головой, сразу став похожим и на того и на другого.

– Не-е, переигрывать не нужно, – покачал головой инструктор, – на такого красавца сбежится посмотреть вся деревня. А нам зрители ни к чему. Твою манеру поведения мы обсудим позже. Есть у меня пара советов, как выглядеть убедительно.

– Нам, с Вистаном, сложно будет изображать родственников, – скептически проговорил Тай.

– Вам и не придётся, – развеял его сомнения Харди. – Только одна пара разведчиков ориентируется на контакт с населением, другая осуществляет прикрытие. Думаю, с этой задачей вы справитесь. Сегодня начинаются занятия, по выполнению заданий вместе с напарником и отработке взаимодействия между парами. Приступаем после завтрака.

Аррин ловко перемещался и по скальным колодцам и по коридорам. Чувствовалось, что он делает это гораздо дольше, чем три месяца. Но выносливости ему не хватало и, поднаторевший на преодолении препятствий Лейн, оказывал своему напарнику существенную поддержку, начиная со второй половины маршрута. Между Таем и Вистаном сразу возникло соперничество. Каждый старался опередить товарища и, хотя до стычки дело не дошло, пару раз они пытались оттеснить друг друга от оптимального варианта прохождения. Видя, что вторая пара разведчиков играючи выполняет задание, не особо контактируя, инструктор осложнил им жизнь, дав каждому в руки по увесистому мешку. Тут уж парням пришлось попотеть, но взаимопонимание возникло быстро – навыки, приобретённые на пастбищах Долины, не прошли даром. Харди остался доволен, но сразу же ещё раз усложнил задачу:

– Так, парни, Лейн ранен. Аррин двигается впереди и выбирает маршрут. Вторая пара осуществляет эвакуацию. Стоп-стоп, вернулись на исходную позицию – груз бросать никто не разрешал. Начали! Вистан, с ранеными нужно обращаться бережнее, и вниз головой, его транспортировать не нужно. Я понимаю, что в этом месте так удобнее, но представь, что у него ранение в голову и повреждена шея. Тай! Я догадываюсь, что ты сейчас хочешь сделать. А если

ты сейчас оступишься? Ладно, представь, что всё это происходит под обстрелом противника и вокруг свистят стрелы, поэтому груз нужно держать так, чтобы прикрывать и себя и, по возможности, эвакуируемого бойца. Почему себя в первую очередь? Если попадут в него, то у доставленного тобой разведчика, будет на одно ранение больше, а, если попадут в тебя, то вы рискуете оба остаться там навеки. Ари! На мой взгляд, это не самый лучший вариант. Они не слишком опытные – ты должен учитывать. Лейн, а ты, вообще, без сознания! Не нужно им помогать, даже из чувства солидарности. Стоп! Вистан уронил мешок. Вернулись на четыре ярда назад. Ладно-ладно, пусть идёт сам. Лейн, назад они тебя не потащат. Приготовились, начали! Не ворчать! А то я в следующий раз предложу в качестве раненого себя. Ну, вот, уже неплохо. Новая вводная: Лейн ранен в обе ноги и находится в сознании, кровотечение отсутствует. Тай ранен в левую руку и использовать её не может. Груз помогает нести сам эвакуируемый. В этой ситуации Аррин двигается вместе с группой и страхует Тая. Хорошо, Вистан, молодец! Грамотно распорядился. Тай, я всё замечаю – не надо жульничать, рука у тебя шевелиться не должна. Всё! Справились. Отдыхайте!

Парни, в изнеможении, рухнули на пол тренировочной пещеры. Лейн застонал и попытался устроиться поуютнее.

– Молчи уж, – Тай усмехнулся и подмигнул «раненому», – ты-то, в основном, катался.

– Хорошенькое катание! Меня пару раз так башкой приложили. Думал, что и впрямь сознание потеряю.

– Не хотел бы я в реальности оказаться обузой, – вздохнул Вистан, – лучше, пускай уж сразу – наповал.

– Это точно, – согласился Тай. – Меня, вот, вы и втроём вряд ли утянете.

– Плохой разговор, – поморщился Аррин. – Не стоит такими словами испытывать судьбу.

– Ну, а как ты поступишь, если такая ситуация вправду возникнет? – Не унимался Тай. – Новая вводная: я тяжело ранен и нетар... э-э... не-транс-пор-та-бе-лен. Вот. Вы все легко ранены и на скорость передвижения это не влияет. Что делать?

– Ты подводишь к тому, что мы должны тебя бросить, или добить?

– Я хочу услышать ответ от человека, имеющего опыт в этом деле.

– Изволь. – Аррин пожал плечами и, пытаясь копировать Харди, начал: – При невозможности эвакуации, раненый перемещается в ближайшее...

– Не-транс-пор-та-бе-лен. – противным голосом повторил Тай.

– Ладно. Местоположение раненого маскируется любыми доступными способами, включая добровольную помощь местного населения. Один из членов группы остаётся при раненом, остальные отходят на базу. При первом же удобном случае высылаются помощь.

– А если это происходит при прямом контакте с противником? – Поинтересовался Лейн.

– Тогда всем... – Вистан чиркнул ребром ладони по горлу. – И всё.

– Бывали случаи, – неохотно начал Аррин, – когда смертельно раненые разведчики просили товарищей избавить их от страданий, или от возможного пленения.

– И что, в таких случаях, говорят ваши правила? – оживился Тай.

– Правил никаких нет. Каждый поступает так, чтобы не мучиться потом сомнениями.

– Ну, а если...

– Если бы моя тетка мочилась стоя, она была бы моим дядей. Хватит об этом.

С этого дня Аррин поселился вместе с остальными. Держался он обособленно, но подчёркивать своё привилегированное положение не стремился. На уменьшительное имя не отзывался и был подчеркнуто официален. Общих интересов ни с напарником, ни с Таем у него не возникло, поэтому в свободное от занятий время, он общался только с Вистаном, да и то не часто, очень быстро обозначив темы для обсуждения. Вистан откровенно избегал вопросов о жизни в Долине. Аррин игнорировал любое упоминание о своём участии в разведвыходах,

так что разговаривали они о вещах, что ни на есть, нейтральных: кормёжка, да предстоящие занятия. Вистан болезненно переживал наказание, которому его подвергла Молли. Он чувствовал себя, как никогда одиноким, и ненавязчивый немногословный собеседник, хоть как-то скрашивал однообразные бесконечно тянущиеся дни.

Примерно через неделю после укомплектования разведывательной группы, Харди изменил устоявшееся расписание занятий. В этот день он был не похожим на себя – очень взволнованным и суетливым.

– Так, парни. Сегодня у нас большой инструктаж.

– Как, уже? – Аррин впервые позволил себе такое яркое проявление эмоций. Выражение крайнего удивления, недоверия, и, даже страха, промелькнуло на его лице. – Не может быть!

– Да, – инструктор досадливо поморщился, – надеюсь, ты понимаешь, что это не моё решение.

– Невозможно... – Аррин схватился за голову и спрятал лицо в ладонях.

– Прошу прощения, сэр, – начал Тай, – может быть, нам объяснят...

Инструктор тяжело вздохнул, несколько мгновений собирался с мыслями, тряхнул головой и сказал:

– Руководство решило форсировать подготовку вашей группы. Завтра нам предстоит первый пробный разведывход.

– Ух ты! – Обрадовался Лейн. – Есть, чем заняться, а то надоело по норам лазить. Наведаемся к святошам!

Будущий командир группы, резким движением поднял голову, намереваясь что-то сказать, но натолкнулся на суровый взгляд инструктора и сник.

– Итак, повторю ещё раз – разведывход пробный. Это значит, что никакой конкретной задачи перед нами не ставится. Будем отрабатывать способы передвижения по открытой местности, ориентирование, маскировку. Прежде чем вам доверят настоящее дело, таких выходов может быть несколько. Можете задавать вопросы, а если их нет, я приступлю к инструктажу.

– Никаких вопросов, – отрицательно помотал головой Тай и посмотрел на сидящего рядом Лейна. Тот кивнул, соглашаясь. Вистан дождался, пока взгляд Харди остановится на нём, и сказал:

– Мне показалось, что вы не одобряете эту идею руководства, сэр.

– Ну, хоть кто-то... – начал было Аррин, но инструктор нарочито громко кашлянул, и парень снова умолк.

– Если это вопрос, то, будь добр, сформулируй его поконкретнее.

– Извольте, сэр. Почему руководство ускорило наше обучение?

– Видишь ли, Вистан, у Координатора есть собственное мнение на этот счёт, которое он озвучивать полностью не стал, сообщив мне только окончательное решение. Оговорюсь сразу, у нас не принято его оспаривать. Это всё?

– Нет, сэр. Вы считаете, что мы справимся?

Харди бросил быстрый взгляд на Аррина и, постаравшись придать голосу больше уверенности, ответил:

– Я на это очень надеюсь. Достаточно вопросов. Первое, что вы должны усвоить – точки входа и выхода из Пещер. – Инструктор развернул на столе большой кожаный свиток. – Здесь карта, на которой показано наше местоположение. Вот эта ломаная линия – границы горного хребта, который святоши называют Объятиями Ангела. Ангел – это сказочное создание, которое умело летать по воздуху. Мы с вами находимся вот здесь, на границе между двумя сравнительно малозаселёнными регионами. С этой стороны владения барона Трогота, а с той – графа Этьена. Запоминать эти титулы необязательно, но имена знать стоит. Все точки выхода, так или иначе, связаны с водой. Одна из наиболее часто используемых – старое русло подземной реки, выходящей на поверхность в трёх милях западнее. Недостатком является необходимость



проплыть под водой около пятнадцати ярдов. Точки входа вам пока знать не положено, достаточно представлять себе места сбора, в случае рассредоточения группы. Это здесь, и здесь. Вот ориентиры. Всё понятно?

– Можно вопрос, сэр? – Получив утвердительный кивок, Лейн продолжил: – А почему нельзя вернуться тем же путём, каким вышли?

– Когда увидишь сам, тогда поймёшь сразу, – усмехнулся Харди, – а пока сообщу, что мы находимся на довольно-таки приличной высоте над равниной, на которой расположены земли святош. Старое русло реки имеет значительный уклон, и подняться по нему вверх не представляется возможным. Это хорошо, так как защищает нас от непрошенных гостей.

Далее. Группе предписывается избегать любых контактов с местным населением. Даже ведущей паре в составе Аррина и Лейна. Особенно опасны святоши, состоящие в службе охраны, а также те, кто проповедует веру в богов. – С этими словами инструктор развернул другой свиток с изображениями людей в разнообразной, подчас весьма пёстрой, одежде. – Запоминайте, как они могут выглядеть. Дело в том, что для молитвы святоши используют другой язык, отличный от нашего. А городские жители и служба охраны говорят на нём и в повседневной жизни. Вам ещё предстоит изучить его основы, а пока, в случае непредвиденного вопроса со стороны кого-нибудь из местных, придётся изображать зевоту или жевание, что вкупе с естественным, не вызывающим подозрения поведением, может спасти жизни всех членов группы.

Теперь о грустном. Если вас всё-таки схватила служба охраны, постарайтесь убедить их, что вы сами сбежали из ненавистных Пещер. Можете показать им точку выхода – они её и так знают – и рассказать, как вы искали путь наружу и провалились в какую-то дыру, а поток воды вынес на поверхность. Пожалуйтесь на плохое обращение и отвратительную еду в Пещерах. Попробуйте вызвать к себе сочувствие.

– Вы хотите сказать, сэр, что кто-то уже сбежал отсюда? – Удивился Тай.

– Да, – похоже, не совсем охотно ответил Харди, – за неполные три года было семь попыток побега.

– То есть, семь человек переметнулись к святошам, и сейчас вредят нам, как могут?

– Не совсем. Я сказал о семи попытках побега, но это не значит, что все они удались. Мы ничего не знаем о судьбе двоих беглецов, а пятеро, как бы это сказать, неудачно выбрали маршрут и переоценили свои возможности при прохождении скальных колодцев.

А сейчас поговорим об условных сигналах, которые обычно используют разведчики.

К точке выхода они двинулись через пару часов после обеда. Перед этим Харди принёс целый ворох штанов и рубаш, раздав всем запасную матерчатую одежду.

– Переоденитесь, когда прибудем на место. Кожаные одеяния там носят лишь те, кто состоит на службе. Конечно, промеж крестьян встречаются признающие только кожу дикари, приходящие продать свою добычу, но вы на них мало похожи. А шапки из овечьих шкур там очень даже в ходу, но нам они понадобятся для других целей.

Шли долго. Переходы были совершенно незнакомы, даже Таю, успевшему обследовать немалую часть пещерного поселения. Заключительный отрезок пути представлял собой неосвещённую галерею, обвивавшую изрядных размеров провал, из глубины которого доносился шум падающей воды.

– Даже не вздумайте подходить к краю, – предупредил инструктор, – там всегда скользко.

Он хотел ещё что-то добавить, но, вдруг пригнулся и припал ухом к скале, сделав всем знак замереть на месте. Похоже, услышанное не на шутку взволновало, потому что, собрав группу в тесный круг, он сказал:

– Вот, что парни, признавайтесь, никто из вас не пытался по пути сюда выколупать из стены, прямо из твёрдой породы, какую-нибудь блестящую штуковину – камешек или рос-

сыпь мелких искрящихся крупинок? Потому что, если это так, нас и не только нас, могут ждать большие неприятности.

– Какие крупинки? – Искренне удивился Вистан. – Факелы только у вас, да у Аррина. Я, кроме как под ноги, и не смотрел никуда.

– Точно? – Харди посмотрел на остальных. – Никто покаяться не хочет, пока не поздно?

– Да вы объясните толком, сэр! – Возмутился Лейн. – Прежде чем обвинять в воровстве, скажите, что пропало и у кого.

Инструктор приблизил свой факел к скале, внимательно осмотрел освещённое место, переместился на пару ярдов, потом ещё на пару, потом, сделав всего один шаг, остановился и подал знак приблизиться. На поверхности камня что-то ярко отражало свет факела. Это, действительно, было похоже на искры, растянувшиеся в виде неровной цепочки, длиной, около двух с небольшим дюймов.

– Как вы думаете, что это такое?

– Высморкался кто-то. – Сязвил Тай. – Ну, не знаем, мы, правда!

– Это часть сокровищ, которые таят в себе горы. Именно эти крупинки состоят из серебра, которое очень ценится у святош. Кроме него встречается золото и ещё какие-то металлы. Я не кузнец и, не слишком, в этом разбираюсь. Но, горы не любят делиться. Лишь только ценности будут вынуты из камня, появляются стражи горы. Их называют големами. Представьте себе некое подобие человека, высотой в девять-десять футов, будто вылепленного из мокрого песка. Голем бросается на любого замеченного человека, лупит каменными кулаками до тех пор, пока не убьёт. Оружия против него нет, убегать бесполезно. Спасает лишь то, что живут они недолго, от силы неделю и не уходят далеко от места своего зарождения.

– И вы говорите нам это только сейчас? – Укоризненно спросил Вистан.

На миг показалось, что Харди смутился. Может быть случайно, но он отвёл руку с факелом, и его лицо поглотила темнота.

– В обжитых областях их не встречали уже лет десять, не меньше, – раздался его голос, лишённый обычной уверенности, – и даже такие вкрапления, как это, попадают всё реже и реже.

– Как они зарождаются? – Тай спросил шёпотом, предварительно оглянувшись по сторонам.

– Те, кто это видел, уже ничего никому не расскажут. А, вот как они умирают, я наблюдал сам. Стоит неподвижно, такой огромный, опасный. Увидит человека, дёрнется ему навстречу и, прямо на глазах, начинает рассыпаться. Остаётся от них только куча песка, совершенно безвредного.

– Десять лет назад?

– Не надо ловить меня на слове, Вистан. Я видел голема два года назад, во время разведывательного рейда по новооткрытым областям. Эта гора, как кусок сыра, здесь неисчислимое множество различных ходов и пещер. Далеко не все из них нанесены на карты, по причине труднодоступности и небезопасности. Периодически случаются обвалы, открывающие доступ в новые места. Вот там, подальше от жилых пещер и добываются сокровища. Иногда, за это приходится платить слишком высокую цену.

– А вы точно слышали его шаги, сэр? – Заволновался Лейн. – Может, нам вернуться?

– Возвращаться, как раз, нельзя. Шаги – если это действительно был страж горы – я слышал из того прохода, который мы только что миновали.

– Давайте, отойдём подальше от... – Лейн подозрительно посмотрел на крупинки, сверкающие в толще камня. – Пока мы ещё живы.

– Из-за такого количества серебра, не появится даже четверть голема. – Успокоил Харди. – Но, если увидите действительно крупное скопление – держитесь от такого места подальше.

– Вроде тихо, – добавил он, спустя несколько минут. – Ари, разведай дорогу впереди, а мы пойдём следом так, чтобы держаться в пределах прямой видимости.

Они медленно двинулись, следуя за огоньком факела в руке Аррина. Инструктор несколько раз прикладывал ухо к стене, что-то бормотал себе под нос, качал головой, но тревоги не объявлял. Галерея ушла в сторону от провала, и превратилась в широкий проход, выведший группу в средних размеров пещеру с низким потолком. Несколько факелов укреплённых на стенах позволили рассмотреть это необычное место. Небольшое озерцо в центре было почти идеально круглой формы. Берега круто спускались к воде, в целом напоминая небольшую до краёв чашку. Похоже, уровень воды менялся несколько раз, и во времена максимального наполнения озера, вода проточила по периметру кольцевой желоб. Там, где к пещере примыкал проход, часть нависающего над желобом камня была срублена, что позволяло добраться до единственно возможного сухого пути передвижения по пещере.

Харди спустился вниз, оказавшись на самом краю «чашки», шириной всего в два фута.

– Перемещаемся, в основном, на четвереньках, кое-где придётся ползти. Чтобы не создавать давки, соблюдаем дистанцию. В воду падать не рекомендую – берега очень крутые – выбраться сложно. Я пойду первым, Ари замыкающий.

До нужного места двигались, в общей сложности, ярдов двадцать, почти без приключений, правда, крупногабаритному Таю пришлось тяжелее всех. Мало того, что всю дорогу он вынужден был ползти, с трудом пройдя упомянутое инструктором сужение, так ещё и, перемещаясь таким способом, парень, несколько раз, чуть не свалился вниз.

Отправной точкой выхода служил, когда-то прорытый водой туннель, начинавшийся сразу над желобом. Харди, на всякий случай, провёл перекличку и, убедившись, что группа добралась без потерь, сказал:

– Слушаем внимательно. Повторять не буду, так как пойду первым. Итак, камень здесь тоже убран, поэтому, встаём в полный рост, садимся на край туннеля, страхуя себя руками, чтобы не стартовать раньше времени. Перемещаемся ногами вперёд, ложимся на спину и отпускаем руки. Туннель гладкий, по стенкам сочится вода, так что будет много брызг. Советую одной рукой прикрывать лицо. Шапки надеть обязательно! Постарайтесь не метаться из стороны в сторону, иначе болтанка при спуске будет очень сильной. Выход из туннеля в озеро, подобное этому, в четырёх ярдах над поверхностью воды. Надеюсь, не нужно объяснять про задержку дыхания перед погружением в воду. После того, как я отправлюсь вниз, следующий считает до пятидесяти и, только после этого перемещается в туннель. Остальные, по очереди делают то же самое. Всё, я пошёл.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.